Открытое Посланіе

Оберъ-Прокурору Правительствующаго Синода,

Дѣйствительному Тайному Совѣтнику

К. П. Побѣдоносцеву

отъ

Германа Дальтона.

(Переводъ съ нѣмецкаго.)

„Der falsche Glaubenseifer ist ein Tyrann, der die Länder entvölkert, die Duldsamkeit eine zarte Mutter, die sie hegt und blühend macht."
Friedrich der Grosse.

Лейпцигъ, 1890.
Дункеръ и Гумблотъ.
(Leipzig, Duncker & Humblot.)

2 шк
Д.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

1430
63

Позднѣе, чѣмъ первоначально имѣлось въ виду, я обращаюсь къ Вамъ, Господинъ Оберъ-Прокуроръ Синода, съ настоящимъ открытымъ посланіемъ. Такъ какъ оно должно служить отвѣтомъ на различныя заявленія Ваши, касающіяся образа дѣйствій русской церкви въ прибалтійскихъ губерніяхъ, то я счелъ удобнымъ выждать отвѣтъ евангелическаго союза, къ которому былъ обращенъ главный отзывъ Вашъ.

Нынѣ этотъ отвѣтъ послѣдовалъ, и въ слѣдствіе горячаго участія, съ которымъ все христіанство относится къ этому жгучему вопросу, отвѣтъ союза быстро облетѣлъ печать всѣхъ странъ свѣта.

При чтеніи посланія членовъ союза чувствуется душевная скорбь и нравственное негодованіе твердыхъ во словѣ Божіемъ мужей, которое они испытывали, получивъ Ваше академическое поученіе, въ отвѣтъ на мольбу, повергнутую къ Престолу Русскаго Царя о защитѣ свободы совѣсти своихъ единовѣрцевъ.

Отвѣтъ ихъ показываетъ, какая пропасть существуетъ между обѣими сторонами, пропасть, недопускающая взаимнаго пониманія. Отвѣтъ евангелическаго союза только служитъ протестомъ во имя вѣчнаго высшаго и ненарушимаго права божественной истины, — противъ того

насилія надъ завѣщанной Христомъ свободой совѣсти, которое, въ нашъ вѣкъ гласности, совершается на глазахъ всего міра, смущеннаго и оскорбленнаго этимъ зрѣлищемъ.

Положеніе дѣла, которое болѣе года тому назадъ вызвало ходатайство евангелическаго союза, не измѣнилось; съ непоколебимымъ, сознательнымъ рвеніемъ продолжается начатое дѣло, а потому разборъ руководящихъ началъ, изложенныхъ въ Вашихъ отвѣтныхъ запискахъ, и теперь является вполнѣ своевременнымъ. Правда, они уже вызвали не мало возраженій; но Вы были отчасти правы, когда, въ разговорѣ со мною, указывали на незнакомство съ Россіей и на недоброжелательство къ ней, которыя высказываются въ большинствѣ этихъ возраженій. Когда я передалъ Вамъ о моемъ намѣреніи высказать печатно мое сужденіе о Вашихъ посланіяхъ, Вы какъ бы поощрили исполненіе этого намѣренія, отвѣтивъ, что то будетъ откровенное мнѣніе справедливаго человѣка. Я съ благодарностью принимаю это заявленіе и стремлюсь быть справедливымъ въ своихъ сужденіяхъ. Въ свою пользу приведу еще и другое обстоятельство, на которое указываю съ особымъ удареніемъ, а именно: на мою искреннюю и сердечную привязанность къ Россіи. Вы знаете, что Россія не моя родина, но я провелъ въ ней болѣе половины моей жизни, и успѣлъ сродниться съ нею. Во время моей распространенной дѣятельности, для меня было истинной отрадой углубляться въ изученіе душевныхъ особенностей того народа, среди котораго мнѣ, волею Всевышняго, суждено было жить и дѣйствовать; за особую милость почитаю я, что имѣлъ возмож-

насилія надъ завѣщанной Христомъ свободой совѣсти, которое, въ нашъ вѣкъ гласности, совершается на глазахъ всего міра, смущеннаго и оскорбленнаго этимъ зрѣлищемъ.

Положеніе дѣла, которое болѣе года тому назадъ вызвало ходатайство евангелическаго союза, не измѣнилось; съ непоколебимымъ, сознательнымъ рвеніемъ продолжается начатое дѣло, а потому разборъ руководящихъ началъ, изложенныхъ въ Вашихъ отвѣтныхъ запискахъ, и теперь является вполнѣ своевременнымъ. Правда, они уже вызвали не мало возраженій; но Вы были отчасти правы, когда, въ разговорѣ со мною, указывали на незнакомство съ Россіей и на недоброжелательство къ ней, которыя высказываются въ большинствѣ этихъ возраженій. Когда я передалъ Вамъ о моемъ намѣреніи высказать печатно мое сужденіе о Вашихъ посланіяхъ, Вы какъ бы поощрили исполненіе этого намѣренія, отвѣтивъ, что то будетъ откровенное мнѣніе справедливаго человѣка. Я съ благодарностью принимаю это заявленіе и стремлюсь быть справедливымъ въ своихъ сужденіяхъ. Въ свою пользу приведу еще и другое обстоятельство, на которое указываю съ особымъ удареніемъ, а именно: на мою искреннюю и сердечную привязанность къ Россіи. Вы знаете, что Россія не моя родина, но я провелъ въ ней болѣе половины моей жизни, и успѣлъ сродниться съ нею. Во время моей распространенной дѣятельности, для меня было истинной отрадой углубляться въ изученіе душевныхъ особенностей того народа, среди котораго мнѣ, волею Всевышняго, суждено было жить и дѣйствовать; за особую милость почитаю я, что имѣлъ возмож-

Вы придаете высказаннымъ Вами тамъ взглядамъ то же значеніе, какъ и Вашимъ словамъ, обращеннымъ къ евангелическому союзу, т. е. значеніе отвѣта высокопоставленнаго и довѣреннаго лица, — на посланіе, повергнутое къ стопамъ Государя. Эта Ваша ссылка даетъ мнѣ не только право, но и возлагаетъ на меня обязанность разсмотрѣть оба посланія, какъ одинаково вѣскія выраженія Вашихъ взглядовъ, за которыя Вы принимаете въ одинаковой мѣрѣ нравственную отвѣтственность.

* *
*

Евангелическій союзъ въ своемъ адресѣ на Имя Его Императорскаго Величества, Государя Императора, ограничился ходатайствомъ о дарованіи свободы совѣсти подданнымъ Его обширнаго государства; въ отвѣтѣ на такое ходатайство можно было ожидать встрѣтить по крайней мѣрѣ принципіальное развитіе противоположной точки зрѣнія на коренной вопросъ. Вы-же въ Вашемъ отвѣтѣ спѣшите перенести вопросъ съ почвы отвлеченныхъ теорій на почву историческихъ фактовъ. Я съ удовольствіемъ слѣдую за Вами. Исторія великая наставница для тѣхъ, кто внемлетъ ея урокамъ. Въ Вашемъ историческомъ обзорѣ Вы становитесь на возвышенную и благочестивую точку зрѣнія, усматривая въ историческихъ судьбахъ народовъ проявленіе Божественнаго промысла. И я въ любимыхъ мною занятіяхъ исторіей всегда всѣми силами стремлюсь не покидать этой христіанской почвы. Вашъ пламенный патріотизмъ говоритъ Вамъ, что Богъ

призвалъ Россію на сторожевой постъ Европы для того, чтобы народы запада могли бы безмятежно предаваться дѣлу христіанской цивилизаціи. По Вашему взгляду Россіи приходилось держать двѣ части свѣта въ страхѣ, не сдаваясь ни въ ту ни въ другую сторону, пока перстъ Божій не укажетъ часа, когда Востокъ и Западъ обрѣтутъ миръ въ единеніи ихъ христіанской культуры.

Воистинно великая задача, предначертанная, по Вашему мнѣнію, Богомъ Вашей родной Россіи; съ сердечнымъ умиленіемъ Вы не преминули замѣтить, что безъ колебаній и уступокъ Россія приняла возложенную на нее задачу, и выполнила ее. Разсмотримъ же, на сколько состоятельны приводимыя Вами тому доказательства.

Вы поражаете міръ удивительною вѣстью, что Россія служила оплотомъ, предохранившимъ Европу отъ наплыва Хазаровъ, Печенѣговъ и Болгаръ, отъ татарскихъ и монгольскихъ ордъ, отъ всего магометанскаго міра, оплотомъ, окончательно сломившимъ силу этихъ народовъ, съ которыми тщетно боролась западная Европа.

Не безъ чувства смущенія и стыда это смѣлое заявленіе было встрѣчено серьёзными русскими историками. Ихъ тщательныя и добросовѣстныя изслѣдованія были достойны лучшей участи, чѣмъ быть такимъ образомъ искаженными передъ лицомъ всего образованнаго міра, да при томъ устами высокопоставленнаго государственнаго мужа, говорящаго отъ имени своего Государя. Даже былины и народныя сказанія Вашей родины не поддерживаютъ столь смѣлыхъ словъ, противорѣчащихъ общеизвѣстнымъ фактамъ исторіи. Въ русскомъ народѣ воспоминаніе о татарскомъ игѣ сохранилось въ иномъ видѣ.

Тамъ, гдѣ нѣкогда были раскинуты шатры татарской орды, тамъ гдѣ на берегахъ Волги царили нѣкогда Джингисханъ, Батый, и куда ходили бить челомъ имъ русскіе князья, тамъ по преданію мѣстнаго населенія и нынѣ, въ нѣдрахъ полуобвалившагося кургана, живетъ могучій Ханъ Батый, кровавый бичъ русской земли; онъ сторожитъ золотаго коня, чтобы ринуться на немъ на кровавое ратное дѣло.

Равнымъ образомъ и въ историческихъ писаніяхъ столповъ Вашей церкви Вы не встрѣтите поддержки для Вашихъ смѣлыхъ изрѣченій.

Не взирая на поразительную терпимость, съ которою монголы относились къ каждой чужой вѣрѣ; не взирая на сильную поддержку, которую оказывали русскому духовенству татарскіе ханы, руководимые мудрымъ и широкимъ политическимъ взглядомъ; не взирая на все это, Ваша церковь хранитъ иное, болѣе соотвѣтствующее истинѣ, воспоминаніе о монгольскомъ игѣ.

Вамъ извѣстно, какъ рисуетъ епископъ Филаретъ это „опустошеніе Россіи монголами“. Онъ въ немъ видитъ кару Божію „за то, что князья въ ихъ властолюбивыхъ распряхъ не жалѣли народа, а народъ не остался вѣренъ долгу своему.“ Онъ говоритъ, что русская церковь была подвластна врагамъ имени Христова. Филаретъ повѣствуетъ о двухъ мученикахъ, о Святомъ Михаилѣ Черниговскомъ и о князѣ Романѣ Рязанскомъ, замученныхъ татарскими ханами, за то, что не исполнили ихъ требованія, — отречься отъ Господа. Причисляя ихъ за этотъ подвигъ къ лику Святыхъ, церковь доказываетъ, что они свѣтлыя личности, выдающіяся въ

общемъ мракѣ тяжелыхъ временъ, выпавшихъ на долю церкви.

Но, можетъ быть, поразительное историческое открытіе, не поддерживаемое ни народными сказаніями, ни строгой исторіей, досталось Вамъ тѣмъ путемъ, который когда-то былъ признанъ графомъ Бенкендорфомъ какъ единственный, подобающій для составленія русской исторіи. Вамъ, вѣроятно, извѣстенъ отвѣтъ, данный всесильнымъ начальникомъ тайной полиціи благородному Орлову, когда тотъ дерзнулъ защищать свободное слово, сказанное Чаадаевымъ о горячо любимомъ имъ отечествѣ. Бенкендорфъ остановилъ смѣлаго защитника словами: Le passé de la Russie était admirable; son présent est plus que magnifique; quant à son avenir, il est au delà de tout ce que l'imagination la plus hardie se peut figurer: voilà, mon cher, le point de vue sous lequel l'histoire russe doit être conçue et écrite.

По Вашему убѣжденію Россія твердо и вѣрно выполнила намѣченную ей Богомъ задачу, ограждая Европу съ Востока, дабы западные народы могли предаваться выпавшей на ихъ долю работѣ: укрѣпленію новой христіанской цивилизаціи. Свѣточемъ, блестящимъ на высотѣ маяка среди бушующихъ волнъ, представляется Вамъ православная церковь.

Здѣсь не мѣсто входить въ сужденія о справедливости такого мнѣнія. Но, очевидно, яркій свѣтъ этотъ ослѣпилъ зрѣніе стоящаго вблизи его. Направивъ лучи его на татарскія пучины, наступающія съ Востока, Вы оглядываетесь на Западъ, и усматриваете и здѣсь лишь бушующія, темныя волны, свирѣпо накатывающіяся на

Вашу сторожевую башню. Теперь уже Вашимъ взорамъ не представляются европейскіе народы, мирно предающіеся, подъ охраной Россіи, дѣлу христіанской цивилизаціи; Вамъ представляется весь Западъ, охваченный религіозной борьбой; Вы видите темную картину, то ярко освѣщенную заревомъ костровъ инквизиціи, то омраченную кровавыми „ночами“ и „вечернями“. И во всѣхъ вѣковыхъ ужасахъ ненависти и борьбы Вы указываете на единую хранительницу покоя и любви, на Россію, во всей незыблемой силѣ ея самобытности, въ неизмѣнности и энергіи ея народнаго духа, наставляемая вѣрою, освященная, вскормленная, укрѣпленная въ лонѣ православной церкви; на Россію, которой Европа обязана своимъ нынѣшнимъ существованіемъ. Къ удивленному и пораженному такою картиною образованному міру Вы даже обращаетесь съ вопросомъ: „что было бы и съ западной Европой, еслибы Россія стала ареной для соперничества этихъ народностей и исповѣданій?“

Смѣлость и неосновательность утверждаемаго Вами исключаетъ возможность прійти къ какому-либо общему заключенію, а потому оставимъ Вашъ историческій обзоръ.

Представители евангелическаго союза обратились къ Русскому Императору, моля Его только объ устраненіи существующаго бѣдствія. Такъ какъ Государь передалъ прошеніе Оберъ-Прокурору Синода для отвѣта, то Вы и обязаны высказаться о существующемъ положеніи дѣла. Разсмотримъ же Ваше изложеніе. Правда, предшествующій опытъ не предвѣщаетъ ничего добраго, тѣмъ не менѣе попытаемъ счастье. Вѣдь можетъ же

быть, что взглядъ высокопоставленнаго государственнаго мужа окажется въ той же степени проницательнымъ и безпристрастнымъ, когда дѣло касается жизненныхъ вопросовъ дня, насколько отъ него ускользаетъ правильная оцѣнка давно минувшихъ событій. Насъ не остановитъ даже то странное изрѣченіе, съ которымъ Вы начинаете Вашъ историческій обзоръ современныхъ событій, говоря, что появленіе въ Россіи двухъ западныхъ вѣроисповѣданій, римско-католическаго и евангелическаго, было одновременное (simultanément).

Этотъ оригинальный взглядъ припишемъ еще на счетъ Вашихъ недочетовъ по исторіи. Теперь вопросъ идетъ о Вашемъ изложеніи существующаго положенія дѣла въ остзейскомъ краѣ, насколько оно затронуто ходатайствомъ евангелическаго союза.

Но какое искаженное изображеніе даете Вы объ этой важной части Россійской Имперіи! И такое глумленіе надъ истиной встрѣчается въ оффиціальной бумагѣ, въ которой Вы, Оберъ-Прокуроръ Синода, даете отвѣтъ передъ всей Европой на прошеніе, поданное Вашему Государю! Такъ поступаете Вы какъ-бы отъ имени Монарха, о коемъ Вы говорите, что постоянная забота Его Величества направлена въ одинаковой мѣрѣ къ благоденствію всѣхъ Его подданныхъ, безъ различія національности и вѣроисповѣданія, Монарха, который усматриваетъ въ религіи величайшее благо людей! Столь высокое Царское довѣріе должно было налагать на Васъ узы, возбраняющія Вамъ проронить единое слово, которое могло бы наложить тѣнь на то лицо, которое возложило на Васъ сказать отвѣтное слово; благоговѣ-

ніе передъ высокимъ довѣрителемъ Вашимъ должно было побудить Васъ позаботиться о томъ, чтобы Ваши слова не затемнили бы тѣхъ высокихъ качествъ, кои Вы, столь справедливо, восхваляете. Между тѣмъ, никакой запасъ благодушія и благотерпѣнія не можетъ удержать взрыва негодованія въ каждомъ, являющемся свидѣтелемъ того, какъ государственный мужъ позоритъ цѣлое сословіе, все духовенство цѣлаго края, и притомъ, на основаніи доводовъ, коихъ несостоятельность очевидна. Вы не воздержались отъ такого обвиненія, оставаясь сами въ недосягаемомъ, могущественномъ положеніи, въ то самое время, когда обвиняемый Вами, — который все же остается Вашимъ братомъ во Христѣ, — придавленъ, униженъ и присужденъ къ безмолвію. Ибо Вамъ хорошо извѣстно, что цензура оставила за печатью этого края лишь право воспроизводить нападки, вродѣ Вашихъ, не даруя ей болѣе благороднаго права защищаться путемъ той же гласности.

Несомнѣнно, что каждый, останавливающійся мысленно на семи-вѣковой исторіи первенствующаго сословія и духовенства какой либо страны, найдетъ много пищи для строгаго и справедливаго осужденія. Это было и будетъ такъ, вездѣ и всегда. И обвиняемыя Вами сословія прибалтійскаго края даютъ поводъ къ такому порицанію, какъ въ прошедшемъ, такъ и въ настоящемъ. Не мало въ средѣ обоихъ сословій лицъ, вполнѣ сознающихъ это. Смиренные и благочестивые люди — у меня есть тому доказательства — видятъ въ тяжелыхъ временахъ, переживаемыхъ ихъ родиной, карающую десницу Божію, взыскивающую съ потомковъ за вину пред-

ніе передъ высокимъ довѣрителемъ Вашимъ должно было побудить Васъ позаботиться о томъ, чтобы Ваши слова не затемнили бы тѣхъ высокихъ качествъ, кои Вы, столь справедливо, восхваляете. Между тѣмъ, никакой запасъ благодушія и благотерпѣнія не можетъ удержать взрыва негодованія въ каждомъ, являющемся свидѣтелемъ того, какъ государственный мужъ позоритъ цѣлое сословіе, все духовенство цѣлаго края, и притомъ, на основаніи доводовъ, коихъ несостоятельность очевидна. Вы не воздержались отъ такого обвиненія, оставаясь сами въ недосягаемомъ, могущественномъ положеніи, въ то самое время, когда обвиняемый Вами, — который все же остается Вашимъ братомъ во Христѣ, — придавленъ, униженъ и присужденъ къ безмолвію. Ибо Вамъ хорошо извѣстно, что цензура оставила за печатью этого края лишь право воспроизводить нападки, вродѣ Вашихъ, не даруя ей болѣе благороднаго права защищаться путемъ той же гласности.

Несомнѣнно, что каждый, останавливающійся мысленно на семи-вѣковой исторіи первенствующаго сословія и духовенства какой либо страны, найдетъ много пищи для строгаго и справедливаго осужденія. Это было и будетъ такъ, вездѣ и всегда. И обвиняемыя Вами сословія прибалтійскаго края даютъ поводъ къ такому порицанію, какъ въ прошедшемъ, такъ и въ настоящемъ. Не мало въ средѣ обоихъ сословій лицъ, вполнѣ сознающихъ это. Смиренные и благочестивые люди — у меня есть тому доказательства — видятъ въ тяжелыхъ временахъ, переживаемыхъ ихъ родиной, карающую десницу Божію, взыскивающую съ потомковъ за вину пред-

если сострадание и сочувствіе къ судьбамъ лютеранской церкви въ остзейскихъ губерніяхъ проникли въ раскинутые по всей Россіи евангелическіе приходы. Печать проникаетъ нынѣче въ малѣйшія села.

Говорятъ, что когда глубоко оскорбленныя Вами сословія обратились съ жалобой къ своему Государю, то будто данное Вами объясненіе заключалось въ томъ, что Вы не имѣли въ виду столь оскорбительнаго значенія Вашихъ словъ, относившихся-де къ прошлому, а не къ настоящему. Въ странѣ съ органиченною гласностью слухи чрезвычайно обильны и находятъ себѣ благодарную почву въ обществѣ. По этому я не придалъ бы этому слуху значенія, если бы фактъ нанесеннаго Вами оскорбленія не былъ-бы на лицо, и если бы я не слышалъ отъ вполнѣ достовѣрныхъ лицъ разсказъ о жалобѣ оскорбленныхъ и о способѣ прекращенія этого дѣла. Если разсказъ вѣренъ, то этотъ случай обнаружилъ бы въ Оберъ-Прокурорѣ Синода искуснаго послѣдователя Талейрана, по мнѣнію котораго рѣчь дана человѣку для того, чтобы скрывать свои мысли; во всякомъ случаѣ честь и долгъ христіанина требовали бы, чтобы смягчающему объясненію Вашихъ словъ была бы придана та же гласность и то же значеніе, какъ и предшествовавшему кровному оскорбленію. Обвиненіе было напечатано въ Правительственномъ Вѣстникѣ, и какъ христіанинъ и честный человѣкъ, Вы должны были напечатать тамъ же и дополнительное объясненіе Вашихъ словъ. Пока Вы этого не сдѣлали, Вы несете нравственную отвѣтственность за то, что Вами сказано.

Вы говорите: „Увы, одновременно съ католициз-

момъ, въ томъ же духѣ мірскихъ стремленій*), Россія узнала и лютеранство въ лицѣ бывшихъ ливонскихъ рыцарей, залегшихъ ей дорогу къ балтійскому морю. Истребляя все, что̀ напоминало католицизмъ, новые эти лютеране, бароны и пасторы, со всею энергіей отдались существенному наслѣдію отъ него — мірскому исключительному властвованію въ краѣ, возбужденію литовскихъ и финскихъ племенъ противъ Россіи, преслѣдованіемъ православія, какъ символа единенія съ ней. И доселѣ идетъ здѣсь борьба со стороны потомковъ рыцарей за исключительное господство въ краѣ, и доселѣ лютеранство, подобно прежнему католичеству, прикрываетъ эту мірскую борьбу знаменемъ религіи и, подавляя всякія попытки со стороны туземцевъ къ единенію съ

*) Примѣчаніе автора. Это выраженіе относится къ образу дѣйствій римской церкви, въ ея сношеніяхъ съ Россіей, который Вы рисуете слѣдующими словами; „католицизмъ проникся здѣсь полонизмомъ, открылъ непримиримую войну противъ православія, истреблялъ всѣ русскія начала во имя польскаго владычества, и подъ своимъ знаменемъ водилъ польскія полчища въ самое сердце Россіи.“ Нѣкоторыя черты этой картины соотвѣтствуютъ историческимъ фактамъ; основная же ошибка, которая, къ сожалѣнію, раздѣляется вліятельнѣйшими лицами, а потому имѣетъ роковое значеніе для прибалтійскаго края, заключается въ томъ вымыслѣ, будто связь между германизмомъ и протестантизмомъ въ этомъ краѣ такова же, какъ и связь полонизма съ католицизмомъ, и будто цѣли и средства въ обоихъ случаяхъ одинаковы.

(Дополненіе издателя.) Различіе въ цѣляхъ заключается въ томъ, что поляки стремились къ сепаратизму государственному, балтійцы же къ сепаратизму культурному. Различіе же въ средствахъ обусловлено, — помимо національныхъ и историческихъ причинъ — уже тѣмъ, что въ одномъ случаѣ борется могущественная, дивная организація всемірной, католической церкви, въ другомъ же случаѣ незначительная мѣстная церковь, находящаяся лишь въ духовной связи со своими единовѣрцами.

Россіей, стѣсняя свободу совѣсти, въ то же время распространяетъ по Европѣ вопли о насиліи лютеранской совѣсти, смущаетъ спокойныя лютеранскія общины въ другихъ частяхъ имперіи, повсюду держитъ лютеранскіе умы съ тревогѣ.“*)

Такимъ потокомъ тяжкихъ обвиненій надѣляете Вы Вашихъ остзейскихъ соотечественниковъ передъ лицомъ удивленной Европы. Дѣло настолько серьёзно, настолько ужасно, что теряется охота останавливаться на заявленіи Вашемъ, будто Россія встрѣтилась съ лютеранствомъ въ лицѣ древнихъ рыцарей-меченосцевъ, заградившихъ Россіи доступъ къ балтійскому морю! Но, во имя Спасителя нашего, кто даетъ Вамъ, Господинъ Оберъ-Про-

*) Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній приводимъ дословно Ваши слова, какъ они Вами написаны, на французскомъ языкѣ: Hélas! c'est à peu près sous des auspices semblables que la Russie fut mise en présence du luthéranisme dans la personne des anciens chevaliers de l'ordre teutonique qui lui avaient barré l'accès de la mer Baltique. Détruisant tout ce qui pouvait rappeler le catholicisme, ces nouveaux convertis du luthéranisme, barons et pasteurs, ne se départirent pourtant d'aucun des avantages temporels qui leur en revenaient. Avec toute l'energie propre à leur race ils suivirent les traces de leurs devanciers, exerçant dans le pays un pouvoir arbitraire, excitant les populations lettes et finnoises contre la Russie, poursuivant l'orthodoxie comme le symbole de l'unité avec la Russie. Depuis lors cette lutte traditionelle continue — lutte pour la domination exclusive dans le pays, conduite par les descendants des chevaliers... le luthéranisme, comme avant lui le catholicisme, se sert dans ces provinces du drapeau de la foi pour masquer ses projets de dominations. Mettant toute sorte d'entraves à la moindre tentative de rapprochement spirituel avec la Mère-Patrie de la part des indigènes, violant de son côté la liberté de leur conscience, il jette en même temps des hauts cris sur la violence faite à la liberté (de la propagande) luthérienne, fait retentir l'Europe de ses lamentations, répand le trouble dans les plus paisibles communes luthériennes des autres parties de l'Empire, jette partout l'alarme dans l'esprit de ses corréligionnaires...

куроръ, право обвинять передъ Вашимъ Государемъ балтійское дворянство, балтійское лютеранское духовенство въ государственной измѣнѣ и въ томъ, что они возбуждаютъ мѣстныя населенія эстовъ и латышей противъ Россіи, что они преслѣдуютъ государственную церковь, оскверняя святость своей вѣры тѣмъ, что подъ ея прикрытіемъ скрываютъ свои властолюбивые и измѣнническіе замыслы?

Страницы исторіи открыты для каждаго. Укажите же возмущеннымъ до глубины души Вашей клеветой балтійцамъ, а также всему образованному міру, свидѣтелю такого чудовищнаго обвиненія, исходящаго отъ приближеннаго Государю лица, — укажите имъ хоть на единый случай, въ которомъ, во время принадлежности этихъ губерній къ Россіи, дворянство и духовенство не сдержали бы вѣрноподданнической присяги, принесенной Богомъ поставленнымъ Государямъ! Укажите хоть на единый случай незаконнаго сопротивленія предержащей власти! Долгъ христіанина, долгъ честнаго человѣка, обязуетъ Васъ къ этому, и Ваша же совѣсть не дастъ Вамъ покоя, пока Вы не исполните этого долга. Но Вы этого сдѣлать не можете, ибо факты говорятъ противъ Васъ. Лучшихъ сыновъ своихъ посылали эти провинціи въ ряды русской арміи и на государственную службу. Всѣ они вѣрой и правдой и съ радостью прилагали свои силы и дарованія на пользу Россіи, и сотнями проливали кровь свою на славу Царя и отечества. Они въ этомъ не видятъ особенной заслуги; но они были бы въ правѣ считать такое прошлое достаточной гарантіей противъ гнуснаго обвиненія въ измѣнѣ. Всѣ Государи, начиная

съ Петра Великаго и до послѣдняго времени, цѣнили ихъ службу и вѣрность и всенародно признавали ее. А Вы, Г. Оберъ-Прокуроръ, и вліятельная партія окружающая Васъ, дерзаете заподозривать ихъ вѣрноподданническія чувства и мараете незапятнанную честь. У Васъ хватаетъ мужества обвинять ихъ въ измѣнническихъ замыслахъ, зная, что они и защищаться не могутъ. И это Вы дѣлаете всенародно, въ оффиціальной бумагѣ, служащей отвѣтомъ на прошеніе, поданное на Имя Государя Императора!

Тѣ же чувства и правила, которыхъ сами держались балтійскіе дворяне и духовенство, они старались вселить и укрѣпить въ латышахъ и эстахъ. Въ протестантскихъ краяхъ существуютъ два пути для нравственнаго воздѣйствія на народъ: церковная проповѣдь и школа. Укажите же на ту церковь, назовите же того лютеранскаго проповѣдника, который не наставлялъ бы свою паству въ томъ, что долгъ христіанина воздавать Кесарю Кесареви, а Богу Богови и подчиняться предержащей власти, ибо всякая власть отъ Бога есть. Въ евангелическихъ церквахъ это ученіе на столько твердо и прочно вселяется каждому съ дѣтства, что для евангелическаго христіанина особенно тяжело обвиненіе въ нарушеніи именно этого завѣта.

Евангелическая церковь всегда и вездѣ считала долгомъ своимъ заботиться о школѣ, какъ о могущественной пособницѣ въ дѣлѣ религіознаго образованія. Это мы видимъ и въ остзейскомъ краѣ, съ начала реформаціи и по настоящее время. Тамошнія школы громко свидѣтельствуютъ о томъ усердіи, съ коимъ дворянство и духо-

венство посвящали себя этому важному дѣлу. Позвольте мнѣ, Господинъ Оберъ-Прокуроръ, напомнить Вамъ слова, сказанныя высокочтимымъ Вами Катковымъ: „Россія безъ сомнѣнія всегда по возможности будетъ поддерживать нѣмецкую школу и нѣмецкую культуру въ этомъ краѣ. Да хранитъ насъ Господь отъ какихъ либо вандалическихъ покушеній на существующую тамъ педагогическую систему, основанную на общихъ для всѣхъ цивилизованныхъ народовъ началахъ. Пусть преподаваніе въ гимназіяхъ и въ университетѣ ведется на нѣмецкомъ языкѣ. Протестъ противъ этого порядка былъ бы съ нашей стороны по истинѣ проявленіемъ ложной національной гордости, отъ которой мы, слава Богу, далеки.“

Благодаря этой основательной системѣ образованія, прибалтійскіе студенты не поддаются преступнымъ наущеніямъ нигилизма. Въ одномъ только Дерптѣ не было надобности прибѣгать къ мѣрамъ, которыя оказались безусловно необходимыми во всѣхъ остальныхъ русскихъ университетахъ. Такой результатъ балтійско-евангелической школы дѣлаетъ честь провинціямъ, и они въ правѣ гордиться этимъ доказательствомъ истиннаго патріотизма, который проявляется въ постоянныхъ, успѣшныхъ заботахъ о воспитаніи юношества, а не въ громкихъ, пустыхъ фразахъ.

Въ столь же цвѣтущемъ состояніи находится и народная школа въ остзейскихъ губерніяхъ.

Оцѣнивъ успѣшность трудовъ дворянства и духовенства на этомъ поприщѣ, Императоръ Николай Павловичъ передалъ (въ 1849 году) народную школу въ вѣдѣніе этихъ, ненавистныхъ Вамъ, сословій. Пока это Царское

распоряженіе было въ силѣ, народная школа оставалась чужда политическихъ движеній, которыя неминуемо губятъ ее. Благотворныя послѣдствія такого мудраго Царскаго распоряженія — на лицо. Позвольте мнѣ остановиться на нихъ, дабы при этомъ отдохнуть душевно отъ тѣхъ тяжелыхъ обвиненій, которыя Вы взводите на людей, посвятившихъ себя этому многолѣтнему, тяжелому труду. Съ истиннымъ удовольствіемъ мы перелистываемъ статистическія таблицы, составляемыя ежегодно лифляндскою ландратскою коллегіею, о состояніи народныхъ школъ. Послѣднія извѣстія относятся до 1884 года и показываютъ на приложенныхъ картограммахъ не мало приходовъ, въ коихъ отъ 90 до 100% всѣхъ дѣтей школьнаго возраста посѣщали училища. Небольшая губернія построила на свои средства съ 1861 до 1880 года 651 сельскую школу, 43 приходскія школы, при чемъ стоимость первыхъ среднимъ числомъ обошлась по 2178 руб., послѣднихъ — по 3963 руб. на школу. По мѣрѣ успѣха дѣла возрастала и охота къ нему, такъ что въ 1868 году эта губернія истратила 124 538 руб. на сельскія училища, черезъ 15 лѣтъ же — 408 989 руб., при томъ безо всякаго посторонняго побужденія. Сосѣдняя эстляндская губернія не уступаетъ Лифляндіи въ готовности приносить жертвы на это благое дѣло. Здѣсь 81—83% всѣхъ дѣтей отъ 10—17 лѣтняго возраста посѣщали училища.

По числу населенія приходится по 32 коп. съ души на школьное дѣло, въ остальной же Россіи по 7 коп. Въ Эстляндіи одна сельская школа приходится на 546 жителей, въ Лифляндіи на 711; для сравненія приводимъ

слѣдующія данныя: въ Германіи на 734 жителя, въ Россіи (за исключеніемъ остзейскихъ губерній, Финляндіи и Кавказа) на 3216 жителей. Я не буду продолжать эти сравненія между положеніемъ народнаго образованія въ остзейскомъ краѣ и въ остальной Россіи, но каждый доброжелатель Россіи долженъ радоваться тому, что хоть въ этой части имперіи дѣло народнаго образованія стоитъ на высотѣ просвѣщеннѣйшихъ странъ Европы. Это также даръ, принесенный въ пользу общаго отечества. Можете ли Вы, Господинъ Оберъ-Прокуроръ, указать хотя на единый фактъ, гдѣ бы эта могущественная сила народной школы была бы направлена не въ пользу развитія въ народѣ чувствъ безпредѣльной преданности Царю и отечеству?

Въ обвиненіяхъ, взводимыхъ Вами противъ „балтійскихъ бароновъ и пасторовъ“, Вы приводите и преслѣдованіе Православія, какъ символа единства съ Россіей. Вы оставляете неразъясненнымъ вопросъ, приписываете ли Вы дворянству и духовенству такой взглядъ, что единство съ Россіей должно выражаться въ Православіи, или же Вы сами держитесь такого мнѣнія, а потому съ качествѣ русскаго патріота и считаете себя обязаннымъ бороться, какъ съ врагомъ отечества, съ каждымъ, который, по Вашему мнѣнію, посягаетъ на могущество Православной церкви.

Первое предположеніе Вамъ врядъ ли удалось бы доказать. Дѣйствительно, дворянство и духовенство остзейскихъ губерній до такой степени усвоили себѣ нѣмецкій и евангелическій взлядъ на религію, что они совершенно чужды ложнаго представленія, по которому

единство церкви есть необходимое условіе для цѣлости и могущества государства. Что извлекла Испанія изъ строгаго преслѣдованія этой идеи, начиная съ самой реформаціи и до нашихъ дней? Какую пользу извлекла Франція изъ того, что она этой идеѣ іезуитовъ о единствѣ церкви принесла въ жертву своихъ Гугенотовъ? На нашихъ глазахъ Италія достигла единства именно тогда, когда отказалась отъ этого начала, пагубнаго для блага государства.

Если же Вы сами держитесь этого взгляда на Православную церковь, какъ на символъ единства съ Россіей, то хватитъ ли у Васъ смѣлости признать также и раскольниковъ отторгнутыми отъ единства съ Россіей? Неужели Вы считаете милліоны протестантовъ, католиковъ, евреевъ, магометанъ и иныхъ иновѣрцевъ, присоединенныхъ къ Россіи съ обѣщаніемъ полной для нихъ вѣротерпимости, какъ бы стоящими внѣ государственнаго единенія съ Россіей, единенія скрѣпленнаго кровью, пролитою ими въ битвахъ, создавшихъ могущество Россіи? Болѣе трети подданныхъ Русскаго Царя оказались бы исторгнутыми, какъ нѣкогда Агарь изъ шатра Авраамова. Если бы Православіе было дѣйствительнымъ символомъ единства съ Россіей, то взамѣнъ такой убыли вѣрныхъ сыновъ отечества оказалось бы, что многіе кавказскіе горцы были уже русскими, когда они еще съ ожесточеніемъ боролись за свою независимость, а Румыны, Греки, Болгары и другіе православные народы были бы уже теперь присоединенными къ Россіи.

Въ одномъ мѣстѣ Вашего посланія къ тремъ швейцарскимъ пасторамъ Вы какъ бы сознаете за собою обя-

занность привести доказательства измѣнническихъ стремленій, въ коихъ Вы обвиняете балтійцевъ. Вы объявляете, что на основаніи оффиціальныхъ документовъ доказаны происки остзейскаго дворянства и духовенства, клонящихся къ тому, чтобы отклонить латышскихъ и эстонскихъ крестьянъ отъ всего русскаго, германизируя ихъ. Въ видѣ такого оффиціальнаго документа, Вы приводите выписку изъ проповѣди, сказанной при открытіи ландтага, четверть вѣка тому назадъ, бывшимъ генералъ-суперинтендентомъ Вальтеромъ, пользовавшимся большимъ уваженіемъ двухъ Императоровъ. Приводя слова въ ковычкахъ, Вы какъ бы выписываете ихъ дословно: „на лифляндской почвѣ не могутъ и не должны быть иные элементы, кромѣ нѣмецкихъ; на этой почвѣ нѣтъ ни эстовъ, ни латышей, ни ливовъ, ни русскихъ, но есть и должны быть только нѣмцы. Господствующая вѣра должна быть лютеранская, господствующая національность нѣмецкая.“ Вотъ слово въ слово Ваша выписка.

Текстъ проповѣди лежитъ передо мною. На основаніи этого текста я Вамъ говорю въ глаза: ни по буквѣ, ни по смыслу во всей проповѣди нѣтъ приведенной Вами фразы. Поразительное открытіе это сначала просто ошеломило меня. Даже теперь, по прошествіи мѣсяцевъ, я не могу побороть то чувство глубокой скорби, которое овладѣло мною, когда я замѣтилъ Васъ, Оберъ-Прокурора Синода, прибѣгающимъ къ такимъ пріемамъ, въ столь важномъ дѣлѣ. Признаюсь откровенно, мнѣ было бы менѣе тяжело встрѣтить столь смѣлую фразу въ проповѣди, чѣмъ убѣдиться въ столь неблаговидномъ дѣйствіи Оберъ-Прокурора Синода.

Въ первомъ случаѣ я видѣлъ бы вызывающее заявленіе человѣка, который имѣлъ мужество нести всю отвѣтственность за каждое, сказанное имъ, смѣлое слово. Теперь же Вы, Вашимъ извращеніемъ истины являете унизительный для каждаго русскаго примѣръ того, какъ тамъ составляются оффиціальные документы, и какимъ образомъ докладываются Государю дѣла, даже лицами, пользующимися Его неограниченнымъ довѣріемъ.

Въ обыкновенныхъ житейскихъ случаяхъ такое открытіе прекращаетъ всякое сношеніе. Какая охота честному человѣку продолжать разговоръ при этихъ условіяхъ? Но въ виду важности дѣла я преодолѣваю это чувство и продолжаю объясненіе. Дѣло идетъ о разоблаченіи тѣхъ пріемовъ, коими передъ Государемъ очерняются вѣрнѣйшіе слуги Его, пріемовъ, которые не преминутъ оказаться пагубными для всей страны.

Я не пожалѣлъ труда, чтобы имѣть возможность не обвинять Васъ въ сознательной лжи. Мнѣ удалось открыть тотъ побочный источникъ, изъ котораго Вы почерпнули Ваше извѣстіе. Правда, Вамъ, какъ человѣку науки, уже самый источникъ долженъ былъ показаться подозрительнымъ; вмѣсто того, чтобы пользоваться напечатаннымъ текстомъ проповѣди, который Вы могли достать также легко какъ и я, Вы почерпнули Ваше извѣстіе изъ вторыхъ рукъ, да притомъ еще изъ тенденціоннаго газетнаго отчета, написаннаго завѣдомо съ цѣлью представить эту проповѣдь въ неблаговидномъ свѣтѣ. Изъ ловко составленной обличительной статьи журналиста Вы дѣлаете выписку, слегка измѣняя ее отъ себя, да притомъ еще придавая ей видъ подлинника,

такъ какъ печатаете слова въ ковычкахъ. Эта искаженная фраза дѣлается въ Вашихъ рукахъ и подъ сѣнью Вашего авторитета роковымъ обвиненіемъ, и потому я долженъ остановиться на ней. Я самъ былъ въ то время въ Петербургѣ и въ близкихъ сношеніяхъ съ нѣкоторыми изъ причастныхъ къ дѣлу лицъ.

9-го Марта 1864 г. высокопочтенный генералъ-суперинтендентъ, котораго, въ уваженіе къ его заслугамъ, Государь удостоилъ высшаго почетнаго званія—евангелическаго епископа, говорилъ проповѣдь только дворянамъ и помѣщикамъ, собравшимся къ открытію ландтага въ церкви Св. Іакова въ Ригѣ. Черезъ недѣлю эта проповѣдь появилась въ печати, съ разрѣшенія свѣтской и духовной цензуръ, не обращая на себя сначала особаго вниманія. — Лишь по прошествіи двухъ мѣсяцевъ, она получила иное значеніе, именно вслѣдствіе отчета о ней въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Въ это время вліяніе Каткова возрастало не по днямъ, а по часамъ. Даровитый публицистъ только что одержалъ свою первую блестящую побѣду. Онъ выступилъ въ своей газетѣ безстрашнымъ борцомъ за идею государственнаго единства и своими статьями воскресилъ упавшія духомъ національныя силы, немало содѣйствуя своею могучею рѣчью къ быстрому подавленію польскаго возстанія. Съ тѣхъ поръ его слово получило необычайный вѣсъ въ русскомъ обществѣ; на высшія же сферы Катковъ пріобрѣлъ такое вліяніе, какимъ не пользовался ни одинъ журналистъ, ни до, ни послѣ него; его газета сдѣлалась рѣшающею, нерѣдко роковою силою въ политической жизни Россіи.

Смѣлый московскій публицистъ имѣлъ въ томъ от-

ношеніи сходство съ великимъ корсиканскимъ завоевателемъ, что его побѣды не завершали борьбы, но лишь служили ему началомъ новой борьбы и средствомъ для новыхъ побѣдъ, къ которымъ влекла его пламенная любовь къ отечеству и ненасытное честолюбіе. Въ тѣ дни могучій борецъ избралъ прибалтійскій край полемъ для своихъ будущихъ побѣдъ. Былъ изданъ лозунгъ, что остзейскія губерніи, никогда, со дня присоединенія къ Россіи, ни въ чемъ не нарушившія вѣрноподданнической присяги, виновны въ сепаратизмѣ, какъ и Поляки, и что потому съ ними надо обходиться также, какъ съ Поляками.

Здѣсь не мѣсто разыскивать, кто первый высказалъ эту мысль, но несомнѣнно, что Катковъ усвоилъ ее, и преслѣдовалъ ея осуществленіе со свойственною ему настойчивостью. Къ даровитому вождю примкнулъ въ этомъ походѣ на остзейцевъ кружокъ москвичей, служившихъ въ остзейскомъ краѣ во время, печальной памяти, Головинскаго періода и возвратившихся въ Москву, послѣ измѣненія политики, недовольными и разочарованными. Внимательно и зорко слѣдили они за вліяніемъ измѣнившагося направленія. Они знали о происходившемъ въ то время въ петербургскихъ высшихъ сферахъ поворотѣ, въ пользу евангелической церкви въ прибалтійскомъ краѣ.

Графъ Бобринскій былъ посланъ въ Лифляндію, какъ довѣренное лицо отъ Государя, для тщательнаго изученія положенія дѣла на мѣстѣ; лифляндскій предводитель дворянства, князъ Ливенъ, представилъ Императору всеподданнѣйшее прошеніе дворянства, съ прило-

женной къ нему докладной запиской о церковномъ вопросѣ въ его родинѣ; онъ вынесъ изъ продолжительнаго разговора съ Государемъ впечатлѣніе, что Государь имѣлъ твердое намѣреніе окончательно рѣшить этотъ жгучій вопросъ. Упомянутый нами кружокъ москвичей не могъ сомнѣваться въ томъ, что рѣшеніе послѣдуетъ не въ ихъ духѣ. Необходимо было не медля произвести рѣшительный ударъ.

За неимѣніемъ лучшаго повода, проповѣдь Вальтера, напечатанная уже два мѣсяца тому назадъ, должна была служить предлогомъ къ нападенію. Смѣлый журналистъ рѣшилъ задачу блестящимъ образомъ, разразившись одной изъ тѣхъ статей, которыя неудержимою силою страсти и мысли обезпечивали ему успѣхъ. Самый ловкій адвокатъ не могъ бы удачнѣе сгруппировать обвинительные пункты, распредѣлить ярче свѣтъ и тѣни, искуснѣе придать словамъ проповѣдника, посредствомъ едва замѣтныхъ измѣненій и перестановокъ, чуждые имъ смыслъ и значеніе, какъ это сдѣлалъ Катковъ въ своемъ блестящемъ рефератѣ, на которомъ онъ основывалъ свое обвиненіе лифляндцевъ въ сепаратизмѣ.

Вы, Господинъ Оберъ-Прокуроръ, придали этому ловкому реферату журналиста характеръ оффиціальнаго документа, и усугубили это тѣмъ, что тенденціозное изложеніе содержанія проповѣди выдаете за дословныя выраженія проповѣдника, и, въ довершеніе всего, къ этой выпискѣ изъ газеты прибавили еще нѣсколько отъ себя, но также въ видѣ цитата изъ проповѣди епископа Вальтера!

Нападеніе Каткова и тутъ удалось; онъ восторже-

ствовалъ. Отъ Москвы до Петербурга, и здѣсь до самихъ высшихъ сферъ, его могучая рѣчь, полная пламеннаго патріотизма, произвела неотразимое дѣйствіе. Народныя страсти, столь ловко возбужденныя, требовали жертвы. Такое жертвоприношеніе всегда опасно для приносящаго жертву, ибо оно служитъ признаніемъ могущества той стороны, съ которой предъявляется требованіе о жертвѣ.

Епископу Гальтеру было повелѣно подать немедленно прошеніе объ отставкѣ. Замѣчательно, что въ бумагѣ, въ которой министръ внутреннихъ дѣлъ сообщаетъ объ этомъ рѣшеніи генералъ-губернатору для исполненія, прямо сказано, что эта мѣра вызвана непріятнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ проповѣдью. Значитъ, осуждалось не содержаніе рѣчи, а ее впечатлѣніе. — Это впечатлѣніе, вызванное изложеніемъ Каткова, представляло, по выраженію министра, въ данную минуту „особенныя неудобства, въ виду болѣе или менѣе важныхъ и неотложныхъ вопросовъ, относящихся до остзейскихъ губерній и подлежащихъ въ настоящее время обсужденію.“ Болѣе того. Въ этой бумагѣ министръ свидѣтельствуетъ о достоинствахъ и прежнихъ заслугахъ жертвы, и сообщаетъ, что Государь Императоръ, во вниманіе къ нимъ, жалуетъ епископу пожизненную пенсію въ размѣрѣ его полнаго содержанія.

Вы согласитесь съ тѣмъ, что, при всей снисходительности покойнаго Государя, немыслимо, чтобы Онъ такимъ образомъ награждалъ прежнія заслуги человѣка, который позволилъ бы себѣ публично, съ церковной каѳедры, произнести преступныя слова, которыя Вы позволяете себѣ приписывать давно умершему человѣку.

И такъ, свидѣтель, котораго Вы сами вызвали для поддержанія Вашего обвиненія противъ дворянства и духовенства остзейскихъ губерній, не принесъ Вамъ ни чести, ни пользы. Показаніе другаго свидѣтеля, на котораго ссылаются швейцарскіе пасторы, Вы тщетно стараетесь представить бездоказаннымъ. Прямое, открытое слово графа Бобринскаго, любовь котораго къ Россіи и къ Православію не можетъ быть оспариваема и Вами, дѣйствительно рѣзко противорѣчитъ Вашему изложенію. Въ своемъ отчетѣ объ изслѣдованіи, произведенномъ имъ на мѣстѣ по Высочайшему порученію, онъ говоритъ: „Ваше Величество, мнѣ, какъ православному и какъ русскому, было тяжело видѣть своими глазами униженіе русскаго православія, при явномъ обнаруженіи этого оффиціальнаго обмана.*) Не прямодушныя слова этихъ несчастныхъ семействъ, взывающихъ къ Вашему Величеству съ покорною, но пламенною мольбою, предоставить имъ право исповѣдывать религію по влеченію ихъ душъ, не эти открытыя и трогательныя выраженія ихъ чувствъ произвели на меня такое тяжелое впечатлѣніе, но главнымъ образомъ то, что это насиліе совѣсти и этотъ общеизвестный оффиціальный обманъ неразрывно связаны съ мыслью о Россіи и о Православіи.“

Вы не стѣсняетесь отвергать силу этого показанія человѣка, облеченнаго полнымъ довѣріемъ Государя, и

*) Въ предшествующей части своего всеподданнѣйшаго отчета графъ выражаетъ свое убѣжденіе, что изъ числа 140 000 православныхъ, которые, по оффиціальнымъ даннымъ, считались въ Лифляндіи, едва одна десятая часть дѣйствительно исповѣдуетъ Православіе.

являете неутѣшительный примѣръ того, какъ здѣсь заподозриваются даже высокопоставленныя лица, если они не раздѣляютъ Вашихъ пагубныхъ стремленій. Какъ ни безотрадна эта задача, но мнѣ придется прослѣдить тѣ пріемы, при помощи которыхъ Вы стараетесь ослабить значеніе честнаго и безстрашнаго показанія очевидца.

Въ Вашемъ посланіи къ швейцарскимъ пасторамъ Вы представляете графа Бобринскаго какъ молодаго, неопытнаго человѣка, незнакомаго съ особыми условіями, существующими въ остзейскихъ губерніяхъ. Швейцарцы могутъ не знать этого, но Вамъ должно быть извѣстно, что въ то время, когда Государь возложилъ на графа Бобринскаго такое важное порученіе, тотъ былъ зрѣлымъ 3[illegible]-ми лѣтнимъ мужемъ. Мнѣ сдается, что графъ годами двумя старше Васъ, а въ то же время покойный Государь избралъ Васъ, Г. Оберъ-Прокурора, быть наставникомъ Наслѣдника Престола. Что графъ не былъ лишенъ опытности, доказывается тѣмъ, что черезъ два года онъ былъ сдѣланъ министромъ. Что же касается до его знакомства съ особенностями прибалтійскаго края, то приложенная ко всеподданнѣйшему докладу записка о состояніи Православія въ этомъ краѣ блестящимъ образомъ свидѣтельствуетъ о его ясномъ взглядѣ на дѣло, не омраченномъ партійнымъ пристрастіемъ.

Этого, по Вашему замѣчанію, „молодаго, неопытнаго, съ мѣстными условіями незнакомаго графа“ Вы представляете безпомощнымъ въ рукахъ мѣстнаго дворянства и лютеранскаго духовенства. Онъ видитъ исключительно то, что они ему показываютъ, слышитъ только, что они

ему говорятъ. Съ большимъ знаніемъ дѣла Вы показываете, „что именно надо было сдѣлать, чтобы убѣдить посланное Царемъ лицо, въ пламенномъ желаніи крестьянъ, возвратиться къ лютеранству“. Вы говорите: „Достигнуть этого, было не трудно“. Нѣтъ, конечно не трудно. Для этого достаточно было имѣть открытый взоръ, чувство правдивости и благочестивое сердце, способное понять влеченіе души ближняго къ свободѣ совѣсти и распознать и уважать мольбу несчастныхъ о томъ, чтобы имъ не возбранялось исповѣдывать Спасителя нашего Іисуса Христа передъ людьми въ тѣхъ формахъ и въ томъ духѣ, въ коемъ Онъ съ дѣтства сдѣлался достояніемъ ихъ вѣры и религіозныхъ чувствъ. Но не въ этомъ Вы видите легкость задачи; Вы считаете легкимъ дѣломъ подвести факты такимъ образомъ, чтобы они служили подтвержденіемъ заранѣе намѣченнаго вывода.

Качества и привычки различны; отъ этого зависитъ и легкость или трудность данной задачи. Но въ балтійскомъ дворянствѣ и духовенствѣ признается, какъ друзьями, такъ и недругами отсутствіе той ловкости и изворотливости, которыя нужны для устройства такого колоссальнаго обмана. Недруги, свидѣтельства которыхъ имѣютъ въ Вашихъ глазахъ больше вѣса, въ числѣ своихъ обвиненій указываютъ именно на неподвижность, на замкнутую надменность, какъ на отличительныя черты сословій, долгое время пользовавшихся властью, основанной на древнихъ преимуществахъ; къ тому же ловкость и изворотливость наименѣе присущи германской рассѣ.

Любопытно, хотя и не отрадно, видѣть какъ по Ва-

шему изложенію балтійскіе бароны выполнили задачу, которая Вамъ кажется легкою. Во первыхъ, графа приводятъ въ два наибѣднѣйшихъ уѣзда; тамъ онъ видитъ толпы народа, съ воплемъ и плачемъ молящихъ о возвращеніи къ лютеранской вѣрѣ. (Это Вы, Г. Оберъ-Прокуроръ, говорите о возвращеніи къ лютеранской вѣрѣ; — вѣрнѣе Вы бы сказали: возвращеніе въ лютеранскую церковь; ибо отказаться отъ вѣры ихъ ни заставили, ни научили, когда они, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, отъ лютеранской церкви перешли къ русской.) Обманутый графъ не замѣчаетъ, что эти толпы находятся „подъ постояннымъ надзоромъ орднунгсрихтеровъ изъ числа мѣстныхъ дворянъ, которымъ однимъ извѣстно, насколько эти мольбы народа соотвѣтствуютъ дѣйствительно его желаніямъ и нуждамъ, и насколько все это искуственно налажено.“ Такимъ образомъ, по Вашему изложенію, графъ Бобринскій поддается наглому обману; такимъ образомъ онъ безсознательно вводитъ въ заблужденіе и Государя Императора; такимъ образомъ Вы, Господинъ Оберъ-Прокуроръ, рисуете передъ Европой картину оффиціальнаго обмана въ Россіи 1864 года, напоминающаго, въ иномъ видѣ, пресловутыя декоративныя села Потемкина.

Но развѣ всеподданнѣйшій отчетъ графа Бобринскаго даетъ Вамъ къ этому малѣйшій поводъ? Этотъ отчетъ, впослѣдствіи напечатанный, замѣчателенъ по прямотѣ изложенія и по независимости взгляда; графъ докладываетъ Государю, что посѣтилъ тѣ два уѣзда Лифляндіи, изъ которыхъ слышались наиболѣе частыя просьбы православныхъ крестьянъ о возвращеніи въ лю-

теранскую церковь, и въ которыхъ „особенно сильно проявилось отвращеніе жителей къ крещенію дѣтей и къ принятію Святаго Причастія по православному обряду.“ Слѣдовательно, графъ Бобринскій совершенно сознательно, на основаніи вѣскихъ данныхъ, избралъ для своего изслѣдованія тѣ мѣстности Лифляндіи, въ которыхъ религіозный вопросъ наиболѣе обострился. Далѣе, мы видимъ изъ его отчета, что онъ не былъ окружаемъ толпою народа, пригоняемаго будто мѣстными дворянами, распорядителями искуственно разъигрываемаго зрѣлища. Какъ бы въ предупрежденіе обвиненій, вродѣ высказанныхъ Вами, графъ прямо говоритъ въ отчетѣ, что онъ самъ созвалъ опредѣленное, ограниченное число лицъ, и не велъ бесѣды съ толпою, а принималъ въ своей комнатѣ не болѣе шести человѣкъ сразу, при томъ не иначе, какъ въ присутствіи мѣстнаго православнаго священника и орднунгсрихтера. Очевидно, мѣстные православные священники имѣли полную возможность предупредить „юнаго, неопытнаго, незнакомаго съ мѣстными условіями“ графа, о козняхъ коварныхъ бароновъ и ихъ соучастниковъ, пасторовъ. Вѣроятно и Васъ должно удивить, почему священники, свидѣтели всѣхъ этихъ сценъ, не раскрыли глаза православному графу, посланному Царемъ.

Въ качествѣ бывшаго профессора юриспруденціи и прокурора Вамъ, очевидно, сдавалось, что, несмотря на Вашъ неодобрительный отзывъ о лицѣ, выбранномъ Государемъ для изслѣдованія вопроса, его показаніе недостаточно Вами пошатано. Вамъ понадобился свидѣтель, опровергающій его показанія, и Вы нашли его въ лицѣ

бывшаго архіепископа рижскаго, Платона. Жители края не скоро забудутъ этого свидѣтеля; постороннія лица могутъ составить себѣ понятіе о его пастырской дѣятельности по слѣдующей выпискѣ изъ одного изъ многочисленныхъ летучихъ листковъ, изданныхъ имъ на латышскомъ и эстонскомъ языкахъ, и во множествѣ экземпляровъ распространявшихся въ средѣ мѣстнаго населенія. Въ одномъ изъ этихъ листковъ говорится: проклятъ тотъ, кто не принимаетъ православнаго вѣроисповѣданія и не сохраняетъ его, кто не мыслитъ и не учитъ такъ, какъ учитъ православная церковь, тѣмъ паче, кто возстаетъ противъ нее, какъ нынѣ возстаютъ лютеране.

Крайне любопытна и поучительна та ловкость, съ которою Вы сопоставляете обоихъ свидѣтелей, заставляя каждаго изъ нихъ говорить и молчать тамъ, гдѣ это Вамъ нужно. Ваше искуство заставляетъ меня остановиться на этомъ предметѣ нѣсколько подробнѣе.

Изъ всеподданнѣйшаго отчета графа Бобринскаго Вы не приводите ничего, даже ради опроверженія. Тѣмъ чаще Вы ссылаетесь на Вашего свидѣтеля. Передъ довѣреннымъ лицомъ Государя, по Вашему завѣренію, запуганные крестьяне, принявшіе православіе, не смѣютъ высказать того, что накипѣло на ихъ душѣ. Хотя, кромѣ орднунгсрихтера, присутствуетъ также православный священникъ при ихъ допросѣ со стороны графа, они повторяютъ ему только слова, заученныя имъ дворянами и пасторами, которые, однако, не имѣютъ уже никакой власти надъ ними. Графъ все время не замѣчаетъ и признака грубаго обмана, а священники не открываютъ ему глаза относительно разъигрываемой имъ недостой-

ной роли. Слова крестьянъ заучены, а повторять ихъ повелѣно „при угрозахъ тюрьмы, розогъ, отобранія земли, словомъ всякихъ напастей.“ За какихъ наивныхъ и легковѣрныхъ людей Вы принимаете швейцарскихъ пасторовъ, если Вы расчитываете, что они могутъ повѣрить такому странному поведенію человѣка, единственный личный интересъ коего состоялъ лишь въ добросовѣстномъ и удачномъ исполненіи Царскаго порученія.

То, что несчастные крестьяне не смѣютъ, страха ради, сказать русскому вельможѣ, довѣренному лицу Государя, то они черезъ нѣсколько недѣль безбоязненно сообщаютъ архіепископу, тому самому духовному лицу, изъ паствы котораго они толпами хотѣли удалиться. Вы не указываете на какое либо измѣненіе условій, вслѣдствіе которыхъ эти крестьяне тутъ уже являются огражденными отъ исполненія мнимыхъ угрозъ бароновъ и пасторовъ. Эти показанія свидѣтеля, являющагося по элементарнымъ юридическимъ понятіямъ прикосновеннымъ не только къ разбираемому дѣлу, но одной изъ сторонъ, Вы очевидно причисляете къ оффиціальнымъ документамъ, на основаніи которыхъ Правительство „имѣетъ свѣдѣнія о преступныхъ происках дворянства и духовенства въ остзейскихъ губерніяхъ.“ Иначе трудно было бы объяснить, какимъ образомъ Вы могли ссылаться на нихъ, какъ на болѣе убѣдительныя данныя.

Въ числѣ обличительныхъ показаній, собранныхъ архіепископомъ, мы встрѣчаемъ слѣдующее: „помѣщики, мѣстныя власти и фанатики лютеранской церкви, преслѣдуютъ насъ за нашу вѣру, ... суды поступаютъ съ нами противозаконно; пасторы обзываютъ съ каѳедры

православную вѣру идолопоклонствомъ, нѣкоторые даже собачьей вѣрой.“ И Правительство, по Вашему мнѣнію, потворствовало такимъ неслыханно дерзкимъ дѣйствіямъ, имѣя о нихъ достовѣрныя оффиціальныя свѣдѣнія? Или же оно подвергало заслуженному наказанію безсовѣстныхъ судей и дерзкихъ пасторовъ, осмѣлившихся издѣваться надъ правосудіемъ и надъ христіанской религіей?

Въ русскихъ законахъ предусмотрѣны тяжкія наказанія за подобнаго рода преступленія, и если хоть одинъ былъ уличенъ въ такомъ преступленіи, то Вы обязаны указать на него. Если же при разслѣдованіи оказалось, что все это было только въ воображеніи крестьянъ, приходившихъ съ навѣтомъ къ архіепископу, то Вы не имѣете никакого права распространять такую недоказанную клевету, дабы не нарушить заповѣди: не лжесвидѣтельствуй!

Вы сообщаете, что вслѣдствіе этихъ свѣдѣній Правительство считало своимъ долгомъ „поддержать православную церковь въ остзейскомъ краѣ сооруженіемъ храмовъ и училищъ, изданіемъ религіозно-назидательныхъ сочиненій (мы уже познакомились съ обращикомъ этой литературы), и улучшеніемъ матеріальнаго быта духовенства.“

На первый взглядъ можетъ показаться, что сообщенія архіепископа побудили Правительство къ принятію этихъ мѣръ. Приглядываясь ближе, мы видимъ, однако, что эти мѣры не согласуются съ тѣмъ положеніемъ дѣла, которое Вы, со словъ Вашего единственнаго свидѣтеля, выдаете за истинное. Дѣйствительно, эти мѣры показываютъ, что обратное движеніе мѣстнаго населенія къ

лютеранству, было вызвано не притѣсненіями дворянъ, а слабостью тѣхъ духовныхъ силъ, которыми располагала православная церковь для предпринятаго ею дѣла. Она не встрѣтила ни матеріальной поддержки со стороны единовѣрцевъ въ Россіи, ни религіознаго рвенія со стороны вновь-обращенныхъ (тогда какъ рвеніе неофитовъ по убѣжденію есть явленіе всеобщее); православная церковь не имѣла также подготовленныхъ къ дѣлу священниковъ. Вотъ почему Правительство сочло нужнымъ ассигновать особыя суммы на сооруженіе храмовъ и училищъ, и улучшить положеніе священниковъ.

Что же касается до архіепископа Платона, то Государь Императоръ, по внимательномъ разсмотрѣніи противорѣчивыхъ показаній, призналъ справедливымъ удалить архипастыря изъ оклеветаннаго имъ края, и перевести его въ землю войска донскаго. Я помню живо впечатлѣніе, произведенное этою мѣрою. Она была принята съ радостью не только въ средѣ протестантовъ, но и въ средѣ тѣхъ православныхъ, которые сохранили великую, истинно-христіанскую и чисто русскую способность относиться съ терпимостью къ иновѣрцамъ и ставить справедливость выше внѣшнихъ церковныхъ интересовъ. Этотъ знаменательный шагъ покойнаго Государя доказываетъ, что нынѣ благополучно царствующій Императоръ слѣдуетъ лишь благороднымъ преданіямъ Его Предковъ, считая своимъ священнымъ долгомъ относиться съ одинаковою заботливостью къ благу всѣхъ Его подданныхъ, безъ различія національности и вѣроисповѣданія. Такая равномѣрная отеческая заботли-

вость со стороны верховнаго вождя есть прочнѣйшій залогъ процвѣтанія подвластныхъ Ему народовъ.

Другая мѣра, которая явилась также отраднымъ слѣдствіемъ рѣшенія Государя выслушать обѣ стороны, было Высочайшее повелѣніе, которое въ 1865 году генералъ-губернаторомъ графомъ Шуваловымъ конфиденціально было передано лютеранскимъ консисторіямъ; этимъ повелѣніемъ прекращено было отбираніе, при смѣшанныхъ бракахъ, предбрачныхъ подписокъ, по коимъ протестантскій супругъ обязывался крестить и воспитывать дѣтей въ православномъ вѣроисповѣданіи. Этимъ возстановлялась часть тѣхъ правъ, которыя были нѣкогда торжественно обѣщаны провинціямъ, и что еще важнѣе, это былъ шагъ впередъ на пути къ свободѣ совѣсти въ Россіи, къ той священной цѣли, о которой мечтаетъ не малое число преданнѣйшихъ и вѣрнѣйшихъ сыновъ православной церкви, въ числѣ ихъ Аксаковы, Самарины и другіе патріоты, сознающіе, что церковь, нуждающаяся въ поддержкѣ грубой силы, не можетъ развить своихъ духовныхъ силъ.

Ваши объясненія, данныя какъ представителямъ евангелическаго союза, такъ и швейцарскимъ пасторамъ, отличаются тою особенностью, что они преисполнены историческими разсужденіями о давно минувшихъ и о современныхъ событіяхъ. Не смотря однако на такую склонность перенести споръ на историческую почву, Вы избѣгаете ее тамъ, гдѣ Ваши противники идутъ Вамъ на встрѣчу. Вы не проронили ни единаго успокоительнаго слова, въ отвѣтъ на высказанное опасеніе,

что Ваши мѣры противъ лютеранской церкви въ прибалтійскомъ краѣ суть первые шаги на томъ пути, который привелъ Людовика XIV къ пагубному для Франціи изгнанію Гугенотовъ, и столь поучительному для всякаго, прислушивающагося къ урокамъ исторіи. Не пеняйте на меня, если любовь къ Россіи побуждаетъ меня снова напомнить Вамъ это указаніе. Зловѣщіе признаки сходства побуждаютъ къ этому. Нижеприведенные мною эпизоды относятся къ послѣднимъ десятилѣтіямъ, предшествовавшимъ уничтоженію нантскаго эдикта, этому грустному концу наклоннаго пути, по которому неудержимо катился злой рокъ Франціи.

Въ 1656 году государственный совѣтъ въ Парижѣ приказалъ, чтобы консулы и должностныя лица (officiers politiques) въ Монпелье были бы непремѣнно католики; въ скоромъ времени это распоряженіе распространяется, вопреки существующимъ законамъ, на другіе города, а затѣмъ и на всю Францію. Въ 1661 году въ томъ же городѣ, слѣдовательно среди почти исключительно протестантскаго населенія, протестанты не допускаются къ должности нотаріусовъ, пока не менѣе половиннаго числа нотаріусовъ не суть католики; и это распоряженіе также вскорѣ распространяется на другіе города, затѣмъ оно примѣняется и къ другимъ общественнымъ занятіямъ. Въ 1663 году издается законъ, по которому дѣти отцовъ-католиковъ должны креститься по католическому обряду; затѣмъ это распоряженіе распространяется и на смѣшанные браки, въ коихъ отецъ протестантъ. Въ 1664 году приказывается, чтобы половина общиннаго имущества была присвоена католикамъ, даже въ тѣхъ об-

щинахъ, въ коихъ большинство — протестанты. Въ 1670 году возбраняется протестантамъ занимать деканство въ медицинской школѣ въ Руанѣ и не допускается болѣе двухъ протестантовъ въ каждой коллегіи; и этотъ законъ примѣняется вскорѣ также къ остальнымъ медицинскимъ факультетамъ. Черезъ четыре года число вольнопрактикующихъ адвокатовъ-протестантовъ ограничивается закономъ; затѣмъ они вовсе лишаются права заниматься адвокатурой. Въ 1681 году — мы уже близки къ уничтоженію эдикта — Королевскій Совѣтъ строго запрещаетъ реформатскимъ пасторамъ и церковнымъ старшинамъ, препятствовать какимъ либо образомъ лицамъ, желающимъ принять католичество. Послѣ этого увеличивается число мѣстностей, въ которыхъ запрещается протестантское богослуженіе и отнимаются церкви. Одинъ богословскій факультетъ за другимъ закрывается. Въ 1684 году церковное имущество евангелическихъ консисторій отбирается въ пользу больницъ. Затѣмъ слѣдуютъ распоряженія, возбраняющія реформатамъ заниматься врачебною практикой, запрещающія католическимъ адвокатамъ, женатымъ на протестанткахъ, вести судебныя дѣла, въ коихъ причастны духовныя лица. Наконецъ, когда проявленія нетерпимости достигли этого уровня, послѣдовало роковое для Франціи 18-е Октября 1685 г., день, въ который Людовикъ XIV однимъ почеркомъ пера нарушилъ священное, клятвенное обѣщаніе, данное его предшественникомъ, Генрихомъ IV, французскимъ подданнымъ протестантскаго исповѣданія. Королевскій указъ уничтожилъ свободу совѣсти, дарованную нантскимъ эдиктомъ. Безсовѣстные іезуитскіе совѣтники

убѣдили короля, что такому могущественному монарху никто не могъ возбранить такое нарушеніе правъ; что господствующая католическая церковь могла все позволить себѣ по отношенію къ лишь терпимой протестантской церкви, и что благословеніе Господне снизойдетъ на того, кто хранитъ католическую церковь, слѣдуя ея указаніямъ.

Я лишь напомнилъ Вамъ нѣсколько примѣровъ изъ безконечнаго ряда насилій одной церкви надъ другою, которыя занесены въ лѣтописи мученичества протестантской церкви во Франціи. Этихъ примѣровъ достаточно чтобы понять тревогу доброжелательныхъ людей, видящихъ первые шаги на роковомъ пути религіозной нетерпимости. Кто прислушивается внимательно къ указаніямъ исторіи и старается вникнуть въ божественные законы, управляющіе событіями, тотъ знаетъ, что разъ принятое направленіе влечетъ за собою съ неотразимою необходимостью послѣдующіе шаги, и что наступаетъ время, когда могущественнѣйшая рука не въ силахъ отстранить карающаго рока. Благо тому мужу, благо тому народу, который во-время узритъ опасность, и образумится пока не поздно.

Мы указали на примѣръ Франціи; но и въ предѣлахъ самой Россіи, въ Польшѣ, мы имѣемъ подъ рукой не менѣе краснорѣчивый урокъ исторіи. Какъ во Франціи, такъ и здѣсь происки іезуитовъ привели къ нарушеніямъ права и справедливости, которыя обрушились на голову тѣхъ, кто поддался ихъ коварному вліянію. При всей хитрости и ловкости этихъ преторіанцевъ папской власти, пріемы іезуитовъ вездѣ тѣ же. Вамъ извѣстна дѣятель-

ность одного изъ даровитѣйшихъ іезуитовъ, Посевина, главнаго виновника того, что болѣе двухсотъ лѣтъ тому назадъ Польша лишилась Лифляндіи. Меня тревожитъ и пугаетъ сходство между Посевинскими насиліями и мѣропріятіями, предпринимаемыми въ настоящее время въ прибалтійскомъ краѣ. Позвольте мнѣ, въ оправданіе моей тревоги, привести нѣсколько историческихъ сопоставленій.

Когда Польша, вопреки заключенному двадцатью годами раньше договору, учредила въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ 16-го столѣтія въ Дерптѣ іезуитскую миссіонерную станцію, католическую епархію въ Венденѣ, іезуитскую коллегію въ Ригѣ, Поссевинъ пишетъ папѣ Григорію XIII, что католическая пропаганда въ средѣ лютеранъ Лифляндіи идетъ успѣшно и принимается охотно, и что благословеніе Божіе лежитъ на начатомъ трудѣ — „доставленія истиннаго спасенія душамъ, искупленнымъ кровью Христовой.“ Вы уже представили, въ Вашемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1884 годъ, движеніе балтійскихъ лютеранъ къ православію, какъ „влеченіемъ мѣстнаго населенія къ православію“. Что это влеченіе еще не проявилось повсемѣстно, это Вы въ Вашемъ отчетѣ приписываете кознямъ дворянъ и пасторовъ. Еще въ прошломъ году Вы, въ разговорѣ со мною, поддерживали это мнѣніе, поражающее своею смѣлостью каждаго, знакомаго съ тамошнимъ положеніемъ дѣла. Это влеченіе, по Вашему мнѣнію, было настолько же непосредственно, какъ и встрѣчающіяся мѣстами „возрожденія“ (revival, reveil). Правда, Вы согласились съ тѣмъ, что это возрожденіе на островѣ Вормсѣ, въ 1886

году, было ошибкой. Тамошніе жители Шведы, твердые въ вѣрѣ отцовъ своихъ лютеране, никогда не видѣли православнаго богослуженія, не понимали ни одного русскаго слова, такъ что и назидательные листки архіепископа Платона на латышскомъ и на эстонскомъ языкахъ не были доступны имъ; поэтому не было никакихъ средствъ вызвать въ нихъ сознательное влеченіе къ православію.

Обнародованныя въ 1582 году „реституціи“ обозначали лютеранъ въ Лифляндіи диссидентами, въ прямомъ противорѣчіи съ торжественнымъ условіемъ при присоединеніи Лифляндіи къ Польшѣ. Въ 1885 году подобнымъ же образомъ исправляющій должность министра внутреннихъ дѣлъ объявляетъ лютеранскую церковь въ остзейскихъ губерніяхъ терпимою церковью, признавая государственную церковь господствующею въ краѣ.— Начиная съ 1586 г., польскіе іезуиты ведутъ пропаганду въ средѣ лютеранскаго населенія Лифляндіи, преимущественно при посредствѣ свѣтскихъ обществъ „братства Богоматери“ и „братства во славу тѣла Христова“. Вамъ извѣстны права и полномочія, нынѣ предоставленныя „балтійскому братству“, которое есть также общество мірянъ для пропаганды среди мѣстнаго населенія края. Въ тѣ времена мы также видимъ объѣзды духовныхъ сановниковъ, кардинала Радзивила, епископа Шенкинга, заслужившаго переходомъ въ католичество митру, и мы видимъ отчеты, прямо противорѣчившіе истинѣ. И тогда случались переходы преступниковъ въ католическую церковь, какъ способъ освобожденія отъ преслѣдованія. И тогда не скупились обѣщаніями свѣтскихъ выгодъ, ко-

торыя сулились всесильными іезуитами за переходъ въ католичество. Іезуитами и ихъ сподвижниками признавались за истинпатріоныхъ нтовъ только католики; лютеранинъ являлся на своей же родинѣ подозрительнымъ, даже по отношенію къ патріотизму.

Я ограничусь этими немногими чертами сходства между Вашими нынѣшними пріемами и тѣмъ, что творилось въ Польшѣ по наущеніямъ іезуитовъ, загубившихъ Польшу. Это сходство такъ разительно, что оно вызвало слѣдующее грустное признаніе изъ устъ одного вѣрнаго и ретиваго сына Вашей церкви, высокопоставленнаго государственнаго мужа: сильнѣйшій упрекъ, который падаетъ на нынѣшняго Оберъ-Прокурора Синода, заключается въ томъ, что онъ вноситъ чуждый православной церкви элементъ іезуитизма. Доселѣ, по его справедливому замѣчанію, Вашей церкви не касался этотъ, опасный для церкви и государства, духъ.

Всякій внимательный и безпристрастный свидѣтель происходящаго въ послѣдніе годы долженъ признать мѣткость этого замѣчанія. Опасный и чуждый духъ вселяется въ дѣятельность Вашей церкви. Какъ членъ другой церкви я могу только сожалѣть, что изъ среды самой церкви не являются безстрашные голоса, открыто возстающіе противъ такого пагубнаго направленія. Святость дѣла требовала бы болѣе смѣлаго и открытаго заявленія своихъ опасеній, которыя скрываются страха ради.

Такія сѣтованія не единичны. Для внимательнаго наблюдателя не ускользаютъ признаки усиливающагося движенія въ средѣ усерднѣйшихъ приверженцевъ Вашей

церкви, возстающихъ противъ вторженія чуждаго и вреднаго для нея духа. Съ напряженнымъ вниманіемъ мы слѣдимъ за начинающимся броженіемъ. Восточная церковь намъ слишкомъ близка, предназначенная ей Богомъ задача слишкомъ велика, чтобы мы не желали бы ей исцѣлиться отъ губительной примѣси іезуитской исключительности. Изъ эпохи ея разцвѣта восточная церковь сохранила высокое и чистое наслѣдіе истинной терпимости. Во времена ея духовнаго роста и величія она сохранила это наслѣдіе отцовъ, и потому особенно грустно видѣть нарушеніе этого благаго преданія, притомъ не по внутреннему влеченію самой церкви, а потому, что она не съумѣла отстранить внѣшнія вліянія свѣтской власти. Отъ такого вліянія внутренняя жизнь церкви не можетъ не пострадать. Въ концѣ концовъ та церковь, именемъ которой и ради воображаемыхъ интересовъ которой совершаются насилія, страдаетъ болѣе, чѣмъ церковь преслѣдуемая. И Вашей церкви не миновать этого опыта; нельзя желать, чтобы Вамъ самимъ суждено было дожить до этого.

Какъ ни тяжело продолжать объясненіе съ Вами, но вѣсъ, который пріобрѣтаютъ Ваши слова, благодаря Вашему положенію, дающему притомъ возможность осуществлять ихъ на дѣлѣ, заставляетъ меня остановиться еще на нѣкоторыхъ изъ высказанныхъ Вами публично замѣчаніяхъ.

Если Вамъ, въ качествѣ Оберъ-Прокурора Синода, поручено было отвѣтить на обращенное къ Государю

Императору ходатайство, въ коемъ принимаетъ живѣйшее участіе вся евангелическая церковь, то естественно, что весь образованный міръ слѣдитъ съ величайшимъ вниманіемъ за Вашими объясненіями. Это Васъ повидимому не стѣсняетъ. Вы даже упрекаете Европу въ томъ, что она съ упорствомъ не признаетъ того, что нигдѣ въ Европѣ чужія исповѣданія не пользуются такой широкой свободой, какъ посреди русскаго народа. (Hélas! l'Europe persiste à ne pas le reconnaître.) Вы не скрываете причины такого упорства. Она заключается, по Вашему, единственно (uniquement) въ томъ, что въ Европѣ къ понятію о свободѣ исповѣданія примѣшалось безусловное право пропаганды его. Въ Россіи же, поучаете Вы Европу, этого нѣтъ. Тамъ благодѣтельные законы ограничиваютъ право пропаганды, по крайней мѣрѣ по скольку она можетъ коснуться членовъ православной церкви; эти ограничивающіе законы, поучаете Вы дальше, имѣютъ цѣлью оградить господствующую церковь двоякимъ образомъ: во первыхъ, отъ поползновеній тѣхъ иновѣрцевъ, которые хотятъ совратить ихъ изъ православія, во вторыхъ, отъ тѣхъ членовъ церкви, которые готовы отпасть отъ нея.

Неужели Вы, Г. Оберъ-Прокуроръ, мните такими объясненіями разубѣдить Европу въ ея сомнѣніяхъ относительно полной вѣротерпимости, существующей будтобы въ Россіи? Особливо тѣхъ, которые сколько нибудь знакомы съ соотвѣтственными законами и, тѣмъ паче, съ нынѣшнимъ примѣненіемъ этихъ законовъ? Это предполагало бы поразительное незнакомство съ умственною жизнью Европы.

Я охотно призналъ за русскимъ народомъ выдающуюся въ его нравахъ черту терпимости. Эта природная терпимость получаетъ еще большую цѣнность потому, что она не есть слѣдствіе равнодушія къ религіознымъ вопросамъ, но коренится въ истинно благочестивомъ, богобоязненномъ сердцѣ русскаго человѣка. Эта прекрасная черта дѣлаетъ русскихъ столь привлекательными для чужестранца. Какъ настоящій сынъ своего народа, Петръ Великій проявилъ эту народную особенность, даруя прибалтійскимъ губерніямъ, при ихъ присоединеніи къ Россіи, полную вѣротерпимость, скрѣпляя это обѣщаніе на вѣчныя времена своимъ Царскимъ словомъ. — Тотъ же народный духъ проявила Екатерина Вторая въ манифестѣ отъ 22 Іюля 1763 г. — воспрещающемъ членамъ государственной церкви наравнѣ съ членами другихъ церквей „подъ угрозой всей строгости Нашихъ законовъ“ всякую попытку совращать кого бы то ни было въ свою церковь. Въ томъ же духѣ написанъ указъ Александра Перваго отъ 20 Іюля 1819 года, въ которомъ евангелическая церковь въ прибалтійскомъ краѣ признается не только терпимою, но согласно данному великимъ предкомъ торжественному обѣщанію, вполнѣ равноправною, имѣющей признанныя верховною властью права, которыя Императоръ считаетъ священнымъ долгомъ держать ненарушимо.

Все это измѣнилось, но не потому, что русскій народъ измѣнилъ своему духу терпимости, и не потому, что церковь сочла такую вѣротерпимость несовмѣстною со своею сущностью. Она только своимъ молчаніемъ допустила новое направленіе, противорѣчащее истинному

христіанству, и потому будетъ нести отвѣтственность за всѣ послѣдствія, ибо молчаніе считается за знакъ согласія.

Различіе между господствующею и терпимою церковью въ прибалтійскихъ губерніяхъ, въ первый разъ и какъ бы незамѣтно, и вопреки существующимъ договорамъ, появляется въ четвертой статьѣ XI тома Свода Законовъ, изданія 1856 года. Въ той же роковой статьѣ, выводятся и слѣдствія этого различія, противорѣчащаго вышеприведенному манифесту Императрицы Екатерины II, да при томъ въ такой, почти грубой, формѣ, которая во всякомъ случаѣ должна быть избѣгаема въ государственныхъ законахъ. Дѣйствительно, въ этой статьѣ право пропаганды предоставляется во всей имперіи исключительно господствующей церкви, которой разрѣшается „убѣждать послѣдователей иныхъ христіанскихъ исповѣданій и иновѣрцевъ къ принятію ея ученія о вѣрѣ.“ Въ той же статьѣ такое дѣйствіе возбраняется духовнымъ и свѣтскимъ лицамъ прочихъ исповѣданій, съ угрозой уголовныхъ наказаній, при чемъ каждая такая попытка, названная „убѣжденіемъ“ въ началѣ статьи, въ концѣ ея именуется преступнымъ насиліемъ надъ религіознымъ убѣжденіемъ вѣрующихъ. Различіе между господствующею и терпимою церковью не основано на Евангеліи. Господь воспрещаетъ своимъ ученикамъ всякій споръ о первенствѣ въ Его Царствѣ. Величіе и преимущество опредѣляются готовностью служить ближнимъ. Нехристіанское различіе это взято изъ области свѣтскихъ отношеній; для его осуществленія требуется помощь и примѣненіе свѣтскихъ принудительныхъ мѣръ, противныхъ

завѣтамъ Христа. Онъ вручилъ своимъ ученикамъ иной мечъ обоюдоострый.

Евангелическая церковь также не миновала тяжелаго искуса свѣтской власти, свѣтскаго торжества и лишь умудренная испытаніями оставила эти орудія, какъ противныя ученію Христову. Памятуя тяжелыя раны, которыя она наносила свѣтскимъ мечемъ и себѣ и другимъ, она особенно чутка къ опасностямъ, угрожающимъ родственной церкви, безпрепятственно пользующейся властью.

Русскіе государственные законы, а подъ гнетомъ этихъ законовъ и греко-россійская церковь, еще примѣняютъ это различіе между господствующею и терпимыми церквами, признавая уголовнымъ преступленіемъ для членовъ одной церкви то, что для членовъ другой церкви разрѣшается подъ защитой, даже подъ давленіемъ государственной власти. Но оставимъ это, какъ грустный, но неоспоримый фактъ. Никому однако не можетъ быть возбраняемо изслѣдовать, на какихъ правовыхъ началахъ основано примѣненіе упомянутой четвертой статьи къ прибалтійскимъ губерніямъ. Я прослѣдилъ за всѣми источниками въ Полномъ Собраніи Законовъ, но я не нашелъ правоваго основанія къ такому примѣненію въ прибалтійскихъ губерніяхъ различія между господствующей и терпимой церковью, различія, противорѣчащаго торжественнымъ обѣщаніямъ Государей. Но, признавая и здѣсь существующій фактъ отмѣны права распоряженіемъ власти, остается еще вопросъ о томъ, какъ это распоряженіе примѣняется къ дѣлу?

Само собою разумѣется, что законъ не предоставля-

етъ примѣненіе его полному произволу членовъ господствующей церкви. Въ законѣ о „предупрежденіи и пресѣченіи преступленій“ говорится, въ § 78: „только господствующая церковь имѣетъ право, въ предѣлахъ имперіи, убѣждать россійскихъ подданныхъ, не принадлежащихъ къ ней, къ принятію православнаго исповѣданія. Но вѣра вызывается благодатью Божіей, поученіемъ, кротостью и вообще добрымъ примѣромъ. Поэтому господствующая церковь не позволяетъ себѣ никакихъ мѣръ принужденія при обращеніи исповѣдующихъ иныя вѣроисповѣданія и ничѣмъ не угрожаетъ тѣмъ, кои не желаютъ принять православія, слѣдуя въ этомъ примѣру апостоловъ.“

И здѣсь я потрудился отыскать въ Полномъ Собраніи Законовъ тѣ правовые источники, на которыхъ основана приведенная статья. Я при этомъ напалъ на нѣсколько знаменательныхъ признаковъ. Во первыхъ, оказывается, что старѣйшіе источники, даже до половины нашего столѣтія, не знаютъ выраженія „господствующей церкви“. Они обозначаютъ государственную церковь просто греческой или восточной церковью. Во вторыхъ оказывается, что въ законахъ, на которые ссылается статья, говорится объ отношеніи восточной церкви къ духоборцамъ, къ уніятамъ, къ киргизамъ, калмыкамъ, субботникамъ, но не говорится о протестантахъ. Протестанты вдругъ ставятся на одну доску съ этими религіозными обществами, и это въ то самое время, когда ихъ церковь низводится въ прибалтійскихъ губерніяхъ на степень терпимой церкви. Самая редакція статьи необыкновенная; въ ней какъ бы церковь говоритъ отъ своего имени, и нѣтъ

обычнаго въ законахъ требованія, подкрѣпляемаго угрозой наказаній. Въ этой редакціи отразился характеръ христіанской церкви; тѣмъ рѣзче поражаетъ ее нынѣшній образъ дѣйствій, въ которомъ она становится въ противорѣчіе со своею сущностью. Это противорѣчіе, болѣе пагубное для нея, чѣмъ для лютеранской церкви, подтверждаетъ мое глубокое убѣжденіе, что приданное ей теперь направленіе чуждо ея истинному духу.

Каждой христіанской церкви, члены которой проникнуты убѣжденіемъ въ истинѣ ея ученія, присуще стремленіе привлечь ближняго къ пути душевнаго блаженства и спасенія. „Мы не можемъ не говорить того что видѣли и слышали“, отвѣчаютъ Петръ и Іоаннъ синедріону, требовавшему отъ нихъ, чтобы они не говорили и не учили объ Имени Іисуса (Дѣян. Апост. 4, 20). Вѣрно, и въ чисто христіанскомъ духѣ православная церковь опредѣляетъ, какимъ образомъ должно проявляться это стремленіе, общее всѣмъ христіанскимъ церквамъ. „Безъ малѣйшаго принужденія, безъ всякихъ угрозъ; вмѣсто нихъ поученіе, кротость, благой примѣръ по пути, указанному апостолами.“

И что́ мы видимъ на дѣлѣ въ прибалтійскихъ губерніяхъ, въ противоположность съ этими требованіями, въ пропагандѣ, дѣйствующей подъ давленіемъ свѣтской власти?

Оставимъ то, о чемъ повѣствуетъ графъ Бобринскій, то, что было, осуждено покойнымъ Государемъ Александромъ Николаевичемъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ Вы были призваны на высокій постъ Оберъ-Прокурора Синода, и потому являетесь главнымъ отвѣтственнымъ лицомъ за

дѣйствія, которыя совершаются въ прибалтійскомъ краѣ подъ знаменемъ православной церкви, съ тѣхъ поръ ежедневно ростетъ число свидѣтельствъ о томъ, что пропаганда ведется не по примѣру апостоловъ и не въ духѣ христіанской церкви. Мы приведемъ на выдержку примѣры, достовѣрность которыхъ и Вы не будете оспаривать.

Мы уже упомянули, что, вслѣдствіе ознакомленія съ истиннымъ положеніемъ вопроса, Императоръ Александръ II возстановилъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ отнятое у нихъ право крестить дѣтей смѣшанныхъ браковъ по соглашенію родителей.

Исполненъ тѣмъ-же чувствомъ справедливости, и не желая навлечь на православную церковь упрека, что она силою удерживаетъ людей, присоединившихся къ ней вслѣдствіе ложныхъ обѣщаній или по легкомыслію, Государь приказалъ, чтобы прекращены были всякія судебныя преслѣдованія за возвращеніе въ покинутую церковь. Не легко принимали пасторы желающихъ; даже старики должны были снова учить катихизисъ, знакомиться снова со словомъ Божіимъ, и должны были представлять несомнѣнные признаки раскаянія въ необдуманномъ шагѣ, и обнаружить глубокое, сердечное стремленіе возвратиться къ вѣрѣ отцовъ своихъ.

По Вашему совѣту Царская милость, даровавшая прежнія права родителямъ дѣтей смѣшанныхъ браковъ, отмѣнена, и отмѣнена не на основаніи церковнаго постановленія. Если бы существовало такое каноническое правило, то незачѣмъ было бы установлять требованіе предбрачныхъ подписокъ. — По Вашему же совѣту измѣнилось прежнее, снисходительное отношеніе къ случаямъ

возвращенія въ лютеранство и примѣняется вся строгость законовъ, притомъ еще съ обратною силою. На Васъ, какъ на перваго совѣтника по церковнымъ дѣламъ, ложится все бремя отвѣтственности за душевныя страданія и за насилія надъ религіознымъ чувствомъ, сопряженныя съ измѣнившимся направленіемъ. Вы знаете, что теперь достаточно, чтобы имя несчастнаго, безпрепятственно исповѣдовавшаго всю жизнь лютеранскую вѣру, оказалось бы занесеннымъ въ списки православной церкви, чтобы насильно сдѣлать его членомъ этой церкви. А лютеранскіе пасторы, которымъ нѣкогда придется отдать отвѣтъ за души своихъ прихожанъ, принуждаются безмолствовать и бездѣйствовать при этомъ. Если бы Вы, Господинъ Оберъ-Прокуроръ, захотѣли бы мысленно заглянуть въ душевныя страданія пастыря, принужденнаго Вашими жестокими распоряженіями оттолкнуть отъ себя человѣка, прибѣгающаго къ нему за утѣшеніемъ и религіозною помощью! Если бы Вы хоть на мгновеніе вникли бы въ душу простаго человѣка, которому говорятъ, что онъ, по распоряженію христіанской власти, обреченъ жить внѣ всякаго церковнаго общенія, потому только, что его имя въ дѣтствѣ, иногда безъ его вѣдома, было занесено въ списки церкви, въ ученіе которой онъ не вѣруетъ, съ которою онъ впервые только и знакомится при этомъ грубомъ покушеніи на его религіозную свободу!

И какая двойная мѣра примѣняется Вами! Въ прибалтійскомъ краѣ съ непреклонною строгостью преслѣдуется каждый пасторъ, который не въ силахъ оттолкнуть отъ себя своего прихожанина, обучавшагося и

конфирмованнаго въ его приходѣ, изъ года въ годъ безпрепятственно причащающагося у него Святыхъ Таинствъ. Тамъ, придавая закону обратную силу, половину духовенства цѣлаго края привлекли уже къ судебной отвѣтственности, и всѣ они могутъ быть привлечены. Вмѣстѣ съ ними терпитъ и весь ихъ приходъ. Дѣйствительно, каково нравственное дѣйствіе такого порядка вещей на прихожанъ, при которомъ духовникъ, добросовѣстно относящійся къ своей святой обязанности, привлекается за это на скамью подсудимыхъ? И въ то же самое время, когда это творится въ прибалтійскомъ краѣ, русская церковь сложа руки видитъ, какъ на Волгѣ, среди татаръ, сотни и тысячи — не то, чтобы переходили изъ одной христіанской церкви въ другую, — нѣтъ, — отпадаютъ отъ православія къ магометанству!

Этотъ поражающій фактъ Вамъ извѣстенъ, Господинъ Оберъ-Прокуроръ! Когда, по Высочайшему повелѣнію, успѣшная миссіонерская дѣятельность евангелической церкви была прекращена на Кавказѣ, на Волгѣ и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, то православная церковь приняла на себя, передъ Богомъ и передъ всѣмъ христіанствомъ, священный долгъ исполнить миссіонерскій Завѣтъ нашего Спасителя, и привлечь этихъ иновѣрцевъ къ сознательному принятію христіанства, обучая ихъ въ истинахъ Божественнаго Откровенія и крестя ихъ Именемъ Святой Троицы. Не время теперь разслѣдовать, какимъ образомъ Ваша церковь въ продолженіе минувшаго полустолѣтія исполнила принятую на себя обязанность. Въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1884 годъ Вы сами

какъ бы подводите итогъ этой дѣятельности, указывая на усердіе и успѣхъ, съ которыми татары воспитываютъ христіанскихъ дѣтей въ своихъ школахъ, совращая ихъ въ свою вѣру. Десятилѣтіями такимъ образомъ совершается-де совращеніе въ магометанство. Вы указываете на явленіе, не дѣлающее чести миссіонерской дѣятельности Вашей церкви, — а именно, что въ христіанско-татарскихъ мѣстностяхъ приходится одно училище на 2800 душъ населенія, въ магометанско-татарскихъ мѣстностяхъ же на 780 душъ. Какъ на другую причину, Вы указываете на недостатокъ храмовъ, тогда какъ мечети сооружаются въ большомъ числѣ. Такъ въ казанской епархіи приходится одна церковь на 3000 душъ, магометанская же молельня на 785 душъ. Вы полагаете, что причина неуспѣха христіанской пропаганды и, вслѣдствіе того, признаваемаго Вами расширенія магометанства заключается въ недостаткѣ денежныхъ средствъ. Но почему же у этихъ магометанъ находятся деньги для сооруженія училищъ и мечетей? Полагаете ли Вы, что достаточное пособіе отъ казны въ силахъ вселить усердіе къ проповѣди о Спасителѣ нашемъ, и въ состояніи удержать людей не вѣрующихъ въ Него?

Съ тѣхъ поръ какъ Вы открыли передъ Государемъ эту зіяющую рану на тѣлѣ Вашей церкви — не замѣтно исцѣленіе; напротивъ, недугъ распространяется безпрепятственно. Вполнѣ надежные свидѣтели удостовѣряютъ мнѣ, что отпаденіе къ магометанству совершается толпами. По мнѣнію лицъ, коротко знакомыхъ съ мѣстностью, въ непродолжительномъ времени уничто-

жатся послѣдніе слѣды нѣкогда успѣшной евангелической миссіи, среди татаръ обширнаго Приволжья. Да иначе и быть не можетъ, при безразличномъ, апатичномъ отношеніи церкви и властей, которое странно противорѣчитъ тому неумолимому усердію, съ которымъ ведется борьба противъ протестантизма въ прибалтійскомъ краѣ. Точно и власти и церковь считаютъ менѣе вреднымъ распространеніе магометанства среди христіанъ, чѣмъ пропаганду одного христіанскаго исповѣданія на счетъ другаго.

Путешествуя по Востоку, можно найти на базарахъ Константинополя и городовъ Малой Азіи, даже въ самыхъ ничтожныхъ лавчонкахъ книготорговцевъ, магометанскія брошюры, напечатанныя въ Россіи съ дозволенія цензуры, въ которыхъ съ фанатическимъ усердіемъ проповѣдуется отпаденіе отъ христіанства. Нѣсколько такихъ книженокъ лежитъ передо мною. Считаю долгомъ привести Вамъ нѣсколько выписокъ. Пусть онѣ служатъ доказательствомъ той различной мѣры терпимости, коею пользуются въ имперіи протестанты и магометане; изъ нихъ Вы усмотрите, что отпаденіе отъ христіанства, на которое Вы указываете въ Вашемъ отчетѣ, объусловлено не только недостаткомъ денежныхъ средствъ. Я тщетно старался разыскать печатныя изданія, въ которыхъ русская церковь ограждала бы съ успѣхомъ своихъ членовъ тамошней мѣстности отъ нападеній магометанскихъ памфлетистовъ.

Въ брошюрѣ: „Тибьянъ-улъ-металибъ“, напечатанной въ 1883 году, съ разрѣшенія петербургской цензуры, въ казанзкой университетской типографіи, ученики та-

тарскихъ медрессей (въ томъ числѣ и христіане) поучаются въ различіи между знаніями необходимыми и не необходимыми. Необходимымъ знаніемъ признается только коранъ и строгое исполненіе его требованій. Это необходимое знаніе сравнивается съ хлѣбомъ насущнымъ, а другія знанія съ лекарствомъ, нужнымъ только въ исключительныхъ случаяхъ. Если-де слѣдовать этому ученію, то полчища мусульманскихъ воиновъ уничтожатъ всѣхъ враговъ религіи (магометанской); если пріобрѣсти это знаніе и распространять его среди другихъ, то всѣ еретики среди магометанъ будутъ-де побѣждены, и христіане толпами перейдутъ въ магометанство.

Въ этой брошюрѣ султанъ именуется „нашъ Падишахъ“, и невѣрнымъ признается тотъ, кто отрицаетъ имаматъ мусульманскаго падишаха. Невѣрнымъ признается всякій, кто устраняется отъ распространенія мусульманства.

Другая книжонка: „агидей мензумэ“, также напечатанная въ Россіи съ разрѣшенія цензуры, и имѣющая громадное распространеніе, поучаетъ, что истинная религія требуетъ двухъ вещей, изъ коихъ одна есть — война за вѣру со врагами. „Если же Вы спрашиваете, кто сіи враги, то я говорю вамъ, хотя оно и опасно: 1) гяуръ (немусульманинъ), 2) плоть, 3) діаволъ.“

Четыре года тому назадъ петербургская цензура разрѣшила печатать книжонку „даръ царей“. Одна глава говоритъ о джихадѣ, святой войнѣ. Приведу нѣсколько выдержекъ. „Джихадъ называется война, предпринятая съ противниками истинной вѣры магометанской, для иско-

реченія этихъ противниковъ, и во славу истинной вѣры ..... Если противники получаютъ перевѣсъ и нападаютъ на мусульманъ, то каждый совершеннолѣтній правовѣрный, слышащій объ этомъ, обязанъ идти на войну, на подкрѣпленіе мусульманъ. Передъ битвой надо предложить непріятелю принять мусульманство. Если онъ его не принимаетъ, то его должно принудить къ платежу дани. Если же онъ не принимаетъ мусульманство и не платитъ дани, то съ нимъ надо воевать и уничтожать его оружіемъ, огнемъ и водою, разоряя его сады и поля .... Если гяуръ (а это всѣ христіане, слѣдовательно и русскіе православные, среди которыхъ живутъ читатели дозволенной цензурою книжки) не принимаетъ мусульманства, то падишахъ (это султанъ въ Константинополѣ) можетъ по своему усмотрѣнію извести ихъ, или же обратить въ рабство; въ послѣднемъ случаѣ они остаются рабами на вѣки, даже если въ послѣдствіи примутъ магометанскую вѣру и т. д. и т. д.“

Этотъ „даръ царей“ первоначально написанъ на арабскомъ языкѣ и распространенъ по всему мусульманскому міру. Ученый мулла, русскій подданный, перевелъ книгу на казанско-татарскій языкъ и безпрепятственно издалъ ее, потому что она содержитъ, какъ говоритъ переводчикъ въ предисловіи, всѣ, для каждаго мусульманина наиболѣе необходимые и важные предметы, которые онъ своимъ переводомъ желаетъ сдѣлать доступными каждому въ народѣ.

Такъ татарскій мулла можетъ безпрепятственно дѣйствовать въ Россіи. Какая противоположность съ тѣмъ распоряженіемъ, изданнымъ годъ тому назадъ, по которому

всѣ эстонскія изданія религіознаго содержанія должны были получить разрѣшеніе отъ православнаго священника въ Ригѣ. Когда этотъ священникъ не разрѣшилъ печатаніе хораловъ, взятыхъ изъ сборника церковныхъ пѣсенъ, то эстляндская и ревельская консисторіи и дворянство подали жалобу, которая имѣла наконецъ послѣдствіемъ разъясненіе, что это распоряженіе, примѣнявшееся и къ протестанскимъ изданіямъ, должно относиться только къ сочиненіямъ по православной вѣрѣ.

Въ вышеупомянутой статьѣ „закона о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій и проступковъ“ признается, что господствующая церковь должна убѣждать къ принятію своей вѣры, по примѣру апостоловъ, поученіемъ и кротостью. Рижскій епископъ Донатъ въ пастырскомъ посланіи, распространяемомъ среди эстовъ и латышей, даетъ намъ образцы такого кроткаго поученія, по примѣру апостоловъ. Тамъ говорится о томъ, что ангелы, ликующіе уже при обращеніи одного грѣшника, должны сугубо возрадоваться по случаю обращенія тысячей „принявшихъ, по благодати Божіей, истинную вѣру и истинное богослуженіе.“ Тамъ поучаются крестьяне, что они „черезъ миропомазаніе пріобщаются даровъ Святаго Духа, укрѣпляющихъ всѣ силы душевныя. Черезъ это помазаніе сдѣлались вы истинными христіанами.“ Что, Г. Оберъ-Прокуроръ, апостолъ Павелъ сказалъ бы о такомъ поученіи?

По стезямъ епископа подвизается священникъ Поспѣловъ. Балтійское братство усердно распространяетъ написанный имъ на мѣстномъ языкѣ учебникъ. Позвольте мнѣ, Господинъ Оберъ-Прокуроръ, напомнить Вамъ нѣ-

сколько характерныхъ мѣстъ изъ этого учебника, какъ примѣръ того, какимъ образомъ населеніе, триста лѣтъ твердо державшееся лютеранства, приводиться въ смущеніе и въ сомнѣніе. Простымъ, вѣрующимъ крестьянамъ сообщается, что существуетъ только одна истинная вѣра, дарующая спасеніе, а именно православная церковь. Лютеръ, такъ поучаются крестьяне, державшіеся унаслѣдованной вѣры отцовъ своихъ, толковалъ по своему и невѣрно слово Божіе, и мнилъ себя умнѣе всѣхъ на свѣтѣ, горделиво воображая, что только онъ одинъ со своими послѣдователями вѣрно разумѣетъ слово Божіе. Лютеръ ставится на одну доску съ Несторомъ, „котораго христіанство всего міра прокляло;“ онъ выставляется эстамъ и латышамъ какъ „нѣмецъ“, который не могъ быть Богомъ присланнымъ реформаторомъ, вопервыхъ потому, что не совершалъ чудесъ, но и потому, что послѣдователи его разбились на множество толковъ. Далѣе: „гдѣ ты найдешь столько попеченія и молитвы, какъ въ православныхъ церквяхъ? Повѣрь мнѣ, нигдѣ. Ты еще не знаешь хорошенько, какова твоя духовная мать, святая, православная церковь, но если узнаешь ее, то увидишь, что она лишь есть Церковь Христова, переисполненная благодати и истины Христовой. Хотя вы и не знаете еще истинной вѣры, но не воздерживаетесь отъ принятія ея. По слову Божію тотъ осужденъ, кто не воспринялъ истинной вѣры.... Тотъ ли только грѣшитъ противъ первой заповѣди, кто служитъ ложнымъ богамъ? Нѣтъ, противъ первой заповѣди грѣшитъ также: 1) тотъ, кто примѣшиваетъ къ ученіямъ вѣры такія мысли, которыя противны слову Божію, напр., кто мнитъ,

что Святой Духъ исходитъ отъ Отца и Сына, хотя Спаситель прямо говоритъ, что Святой Духъ исходитъ только отъ Отца (Іоан. 15, 26), кто отвергаетъ нѣкоторыя изъ (семи) Таинствъ, о коихъ говорится въ Святомъ Писаніи; кто учитъ, что дѣтей не слѣдуетъ допускать къ Святому Причастію, хотя Господь Самъ повелѣлъ приходить всѣмъ (Матѳ. 26, 27); 2) тотъ, кто отпадаетъ или хочетъ отпасть отъ святой, истинной вѣры, этой единственной вѣры Христовой. Такой человѣкъ хочетъ слѣдовать не ученію Христа и апостоловъ, а измышленіямъ человѣческимъ, и этимъ ставитъ человѣческій умъ выше мудрости Божіей."

И всѣ эти ученія вносятся, подъ сильнымъ покровительствомъ свѣтской власти, въ среду поселянъ, безмятежно исповѣдовавшихъ христіанскую вѣру отцовъ своихъ. Пастырямъ же этихъ смущенныхъ душъ воспрещается отвѣчать на это, и расъяснять своей паствѣ, почему такое ученіе они считаютъ не согласнымъ со словомъ Божіемъ. А этого требуетъ отъ нихъ долгъ ихъ, какъ евангелическихъ пасторовъ, даже по россійскому закону обязанныхъ „отправлять свою важную должность съ полною добросовѣстностью и усердіемъ" (§ 314); иначе ихъ прихожане не были бы вѣрными членами лютеранской церкви, уповающими на то, что ихъ пастыри излагаютъ имъ истинное слово Божіе, по завѣту Христа. Тяжелую душевную борьбу приходится переживать этимъ пасторамъ съ тѣхъ поръ, какъ Вы стали Оберъ-Прокуроромъ Синода. Чего это стоитъ, вступить въ эту борьбу, дабы не быть передъ Господомъ яко „безмолвный пёсъ" (Ес. 56, 10), это испытываетъ дондангенскій

пасторъ, котораго вотъ уже пять лѣтъ, какъ тащутъ изъ суда въ судъ, до сената, за то только, что онъ, въ тѣсномъ кругу своихъ прихожанъ, посмѣлъ возстать противъ этихъ ученій, которыя онъ какъ лютеранинъ долженъ считать лжеученіями. Какова будетъ его судьба, если сенатъ признаетъ справедливымъ преисполненное искаженій обвиненіе фанатика, которое было отклонено инстанціями? Но если и сенатъ не окажетъ довѣрія гнусному доносу, то все же никто не вернетъ лютеранскому пастору годы мученій и тревогъ, не изгладитъ оскорбленія чести и добраго имени, нанесеннаго безсовѣстнымъ обвиненіемъ.

Остановимъ еще наше вниманіе на учебникѣ, столь усердно распространяемомъ „братствомъ“ среди лютеранъ эсто-латышскаго края. Съ поразительною откровенностью и, что еще страннѣе, съ одобрѣнія Синода, авторъ учебника приглашаетъ читателей принять православную вѣру, даже не зная ее. Но это прямо противорѣчитъ тому праву, которое предоставлено закономъ одной государственной церкви. Убѣжденіе — немыслимо безъ предварительнаго ознакомленія съ ученіемъ.

Но, если человѣкъ послѣдуетъ этому противозаконному, Синодомъ одобренному, совѣту, и перейдетъ въ православіе, не зная его ученія, и затѣмъ, познакомившись съ нимъ, увидитъ, что онъ по убѣжденію исповѣдывать его не можетъ? Несчастная жертва обмана! Вы знаете, что и онъ, и всѣ его потомки, отнынѣ на вѣки прикованы къ церкви, которой онъ чуждъ по вѣрѣ и по убѣжденію. Сколько такихъ жертвъ, послѣдовавшихъ коварному совѣту, сдѣлалось на всю жизнь духов-

ными калѣками, отставшими отъ своихъ, не приставши къ чужимъ. Они обречены къ постоянному притворству и лицемѣрію и потому понятно, если въ сердцахъ ихъ западаетъ злоба противъ недобрыхъ совѣтниковъ.

Вмѣсто того, чтобы воспретить Вашему духовенству давать такіе совѣты, а людей, подвергающихся такой пропагандѣ, ограждать отъ послѣдствій необдуманнаго шага, многія изъ Вашихъ распоряженій скорѣе могутъ усилить усердіе священниковъ, уговаривающихъ мѣстное населеніе перейти въ православную церковь, не познакомившись предварительно съ ея ученіемъ. Вы награждаете особенно усердныхъ пропагандистовъ-священниковъ. Въ Правительственномъ Вѣстникѣ даже прямо говорится, что священникъ такой-то удостоился награды орденомъ Св. Анны 3. ст., за обращеніе болѣе ста душъ иновѣрцевъ въ православіе. Эта мотивировка награды оскорбительна для лютеранъ прибалтійскихъ губерній Дѣйствительно, орденскій статутъ (§ 560) говоритъ: „имѣютъ право на орденъ Св. Анны 3. степени тѣ лица, кои обратили въ православіе не менѣе ста нехристіанъ или же приверженцевъ вредныхъ сектъ“. Такъ какъ Вы не можете причислить лютеранъ къ нехристіанамъ, то черезъ это примѣненіе орденскаго статута Вы приравниваете ихъ со скопцами и скакунами. Къ чему же еще прибавлять оскорбленіе къ насилію! Не забудьте, что три Великія Княгини принадлежатъ къ оскорбляемой Вами церкви, не забудьте, что такимъ презрительнымъ отношеніемъ къ вѣроисповѣданію четырехъ милліоновъ русскихъ подданныхъ Вы становитесь въ противорѣчіе съ тою благосклонностью, которую Государь Императоръ,

цѣня, по Вашему замѣчанію, религію выше всѣхъ благъ земныхъ, распространяетъ на всѣхъ своихъ вѣрноподданныхъ, безъ различія національности и вѣроисповѣданія.

На нѣсколькихъ примѣрахъ мы хотѣли показать, какой характеръ приняло, въ примѣненіи къ прибалтійскому краю, то право пропаганды, которое, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, было предоставлено государственной церкви. Этихъ примѣровъ будетъ достаточно, чтобы понять, почему въ этомъ злополучномъ краѣ все сильнѣе и сильнѣе слышиться и въ церкви, и въ школѣ, и въ хоромахъ, и въ хижинѣ, все тотъ же возгласъ, въ которомъ выражается и грусть и упованіе Россіянъ: „еслибы Царь узналъ истину!“ Во всѣхъ слояхъ необъятной имперіи, и не менѣе другихъ въ вѣрноподданныхъ прибалтійскихъ губерніяхъ, существуетъ твердая, непоколебимая увѣренность въ благосклонности Государя ко всему народу, въ Его искреннемъ желаніи быть всегда защитою права и справедливости. Эта твердая и справедливая увѣренность русскаго народа коренится въ его религіозныхъ убѣжденіяхъ, и потому ни горькія разочарованія, ни продолжительныя притѣсненія со стороны недобросовѣстныхъ или невѣжественныхъ представителей власти не въ силахъ пошатнуть этой вѣры. Она непоколебима въ сердцахъ оклеветанныхъ Вами бароновъ и пасторовъ; она тверда въ эстахъ и латышахъ, воспитанныхъ ими въ евангелическомъ духѣ. Всѣ они унаслѣдовали вѣрность и преданность своему Государю, какъ драгоцѣнное достояніе предковъ, какъ требованіе совѣсти, какъ велѣніе Господа Бога. Во всѣхъ невзгодахъ и притѣсненіяхъ, эти вѣрные слуги Царскіе находятъ

утѣшеніе въ мысли, что Государь не вѣдаетъ, какъ и что творятъ его чиновники въ испытуемыхъ провинціяхъ; они почерпаютъ бодрость и силы въ упованіи, что если узнаетъ Царь, то прекратятся ихъ гоненія.

Не лишайте Вы, Г. Оберъ-Прокуроръ, этихъ людей такого утѣшенія, говоря имъ, что все, что тамъ дѣлается, совершается съ вѣдома Царя, и что Вы и остальные чиновники только исполнители Его велѣній. Этимъ Вы сваливаете всю отвѣтственность за совершаемое тамъ на Государя Императора! Вы сами дали намъ образецъ того, какъ искажаются факты даже высокопоставленными лицами. Это даетъ мнѣ право смѣло утверждать, по истинѣ какъ передъ Богомъ: нѣтъ, Государь не знаетъ того, что дѣлается!

Государь не знаетъ, что несовершеннолѣтнихъ учениковъ пріучаютъ къ тому, чтобы лжесвидѣтельствовать противъ обучающаго ихъ пастыря. Такой соблазнъ разрушаетъ въ корнѣ чувство уваженія къ старшимъ, на которомъ зиждется всякое здоровое развитіе народа. Государь не знаетъ, что при слѣдствіи противъ обвиняемыхъ пасторовъ сотни крестьянъ показывали не то, что пасторы совращали ихъ изъ православія, а что они, крестьяне, молили пасторовъ неустанно о томъ, чтобы они ради Господа приняли бы ихъ обратно въ церковь, которой они измѣнили, внемля обманчивымъ обѣщаніямъ. Государь не знаетъ, какого рода преступленія остаются безнаказанными, цѣною перехода въ православіе. Онъ не можетъ знать этого, ибо Онъ глубоко и искренно привязанъ къ своей церкви и не потерпѣлъ бы такого для нея позора. Но и ради благосостоянія края Его

прямая и честная душа обратилась бы съ негодованіемъ противъ тѣхъ дѣятелей, которые разрушаютъ въ корнѣ нравственные основы народнаго сознанія.

Центръ тяжести адреса евангелическаго союза къ Русскому Императору заключается въ просьбѣ о дарованіи Его подданнымъ свободы совѣсти. Въ распространеніи этого святаго права, какъ требованія ученія Христа, заключается великая задача этого международнаго союза вѣрующихъ мужей. Неутомимая дѣятельность этого союза въ продолженіи десятилѣтій не осталась безуспѣшною. Въ Италіи, въ Испаніи, въ Щвеціи, въ Австріи, въ Турціи она можетъ указать на слѣды своихъ усилій; неоднократно она обращалась къ Россіи со своею просьбою, и съ помощью Божіей и здѣсь добьется успѣха. Ибо Господь Богъ освобождаетъ душу и совѣсть людей благодатью святаго Духа для воспринятія Его откровенія по внутреннему влеченію, а не по велѣнію свѣтской власти.

Въ Вашемъ отвѣтномъ посланіи Вы замѣтно уклоняетесь отъ этого главнѣйшаго вопроса. Сначала Вы стараетесь оправдать особое къ нему отношеніе Россіи, рисуя въ пространномъ историческомъ обзорѣ своеобразныя задачи, намѣченныя Господомъ Богомъ Вашему отечеству для блага Европы. Мы прослѣдили за Вами при этомъ, нѣсколько странномъ отступленіи. Избранный Вами пріемъ не удовлетворилъ Васъ самихъ въ смыслѣ отвѣта на поставленный Вамъ вопросъ. Замѣняя защиту нападеніемъ, Вы поражаете Европу вѣстью, что нигдѣ не существуетъ большей вѣротерпимости, какъ въ Россіи. Вы сожалѣете, что Европа упорно отказы-

вается вѣрить этому; къ такому недовѣрію Европа имѣетъ полное основаніе, правда, иное основаніе чѣмъ то, которое Вы выставляете какъ „единственное“. Мы и здѣсь послѣдовали за Вами, разсмотрѣвъ соотвѣтственные законы и ихъ примѣненіе.

Повидимому Вамъ самимъ сдается, что Вашимъ изумительнымъ открытіемъ о наибольшей вѣротерпимости въ Россіи Вы не разрѣшили главнаго затрудненія, вызваннаго адресомъ евангелическаго союза. Вы чувствуете необходимость высказаться о вѣротерпимости и о свободѣ совѣсти. Я нарочно привожу оба сходственныхъ термина. Они связаны между собою такъ, что одно безъ другаго существовать не можетъ, хотя оба понятія не тождественны. Отрадно видѣть что Вы, Г. Оберъ-Прокуроръ, отдаете предпочтеніе первому выраженію, избѣгая второе. Можно объяснить это тѣмъ, что чувство благочестиваго уваженія къ высоко христіанскому требованію свободы совѣсти не позволяло Вамъ придать этому понятію столь произвольное толкованіе, какое скорѣе возможно по отношенію къ вѣротерпимости. Право, сознавать свою совѣсть независимою отъ свѣтскихъ постановленій и связанною только Богомъ и Его святымъ откровеніемъ, и долгъ, высказывать такое убѣжденіе безбоязненно и открыто, — это такое ненарушимое право, такой святой долгъ, такое необходимое условіе духовной жизни христіанина, что отрицающій этотъ священный долгъ и право свободы совѣсти грѣшитъ противъ божественной истины ученія Христова. Вы не желаете сотворить сознательно этого грѣха! Въ этомъ я увѣренъ. Но различіе въ словахъ не устраняетъ сути

дѣла: ограниченіе вѣротерпимости влечетъ за собою нарушеніе свободы совѣсти.

Безусловному требованію Евангелія о свободѣ совѣсти Вы противоставляете, въ примѣненіи къ Россіи, Ваше безусловное, безповоротное „никогда“. Мы и здѣсь встрѣчаемся въ Вашихъ выраженіяхъ, въ Вашихъ дѣйствіяхъ, съ принципами, чуждыми русскому народному духу и русской церкви. Предоставьте Риму и его іезуитамъ такое „non possumus“. Вы втравливаете себя въ такую смѣлую безусловность, захватывающую и прошедшее и настоящее и будущее, подъ вліяніемъ представленія, будто бы евангелическая церковь, въ своемъ стремленіи слѣдовать божественному требованію свободы совѣсти, воодушевлена властолюбивыми замыслами, готовыми разрушить не только могущество, но и единство Россіи. Противъ такихъ дерзновенныхъ попытокъ Вы хотите оградить Вашу церковь громкимъ „никогда“. Грустно видѣть просвѣщеннаго государственнаго мужа, не желающаго признать божественнаго требованія свободы совѣсти, но еще грустнѣе, что онъ прикрываетъ это нежеланіе столь неосновательнымъ, а потому и безсовѣстнымъ, искаженіемъ побужденій евангелической церкви и ея представителей, предпринявшихъ священную борьбу за свободу совѣсти. Это тѣмъ болѣе прискорбно, что встрѣчается въ посланіи, имѣющемъ значеніе оффиціальнаго отвѣта на просьбу, повергнутую къ стопамъ Государя Императора. Это обстоятельство заставляетъ насъ остановиться на предметѣ.

Для христіанина существуетъ, конечно, въ области духовной жизни только одно основаніе для безусловнаго

„никогда“, это слово Божіе, которое одно останется во вѣки ненарушимо. Вы слишкомъ свѣдущи въ Писаніи, чтобы сдѣлать попытку подкрѣпить имъ смѣлое слово Ваше, которое отнимаетъ на вѣчныя времена у инославныхъ церквей право, предоставляемое православной церкви; членовъ же Вашей церкви Вы лишаете того права, которое придаетъ ихъ вѣрованію жизненность и силу.

Даже въ ученіи Вашей церкви Вы не найдете подкрѣпленія Вашему „никогда“. Я слишкомъ высокаго мнѣнія о восточной церкви, чтобы допустить, что въ ея ученіи встрѣчаются мнѣнія, противныя духу христіанской вѣры.

Оглядывая мысленно рядъ отцовъ Вашей церкви, величавые образы коихъ появляются на разсвѣтѣ христіанства въ Сиріи, въ Александріи, въ Константинополѣ, мы видимъ ихъ твердыми во словѣ Божіемъ, при томъ со свѣтлымъ, свободнымъ взглядомъ на духовную жизнь ихъ современниковъ греческой культуры; мы видимъ этихъ борцовъ неустанно трудящимися надъ примиреніемъ двухъ мощныхъ, противоположныхъ теченій, стремясь освѣтить современную образованность свѣтомъ духа Божія, открывающаго намъ всякую истину. Изъ всего ряда этихъ богатырей вѣры церкви восточной я не знаю ни единаго, раздѣляющаго Вашу точку зрѣнія. Церковь на всесельенскихъ соборахъ также не установляла такого ученія. Если бы Ваше положеніе было основано на ученіи восточной церкви, то тѣ же узы, которыя Вы налагаете на свободу совѣсти членовъ Вашей церкви, должны были бы встрѣчаться и въ другихъ вѣт-

вихъ восточной церкви въ Греціи, въ Болгаріи, въ Румыніи. Но тамъ родственныя церкви уже давно освободились отъ вреднаго нароста, не измѣняя этимъ ученію своей церкви.

Это понятіе принужденія въ дѣлахъ вѣры взято изъ чуждой имъ области свѣтскихъ отношеній. Оно дѣйствительно на столько, на сколько дѣйствительна свѣтская власть съ ея наказаніями. Всесокрушающая сила церкви не нуждается въ поддержкѣ полиціи и суда, чтобы удержать своихъ членовъ въ лонѣ ея. Она страдаетъ въ существѣ своемъ, опираясь на такую поддержку. Достойные сыны Вашего народа и Вашей церкви краснорѣчиво указывали на вредъ такого покровительства. Число ихъ ростетъ, и мнѣ сдается, что недалекъ день, когда воодушевленная рѣчь Аксаковыхъ, Чаадаевыхъ, Соловьевыхъ и подобныхъ имъ, воспламенитъ душу русскаго народа, и тогда принужденіе въ дѣлахъ вѣры будетъ отвергнуто, какъ чуждый Вашей церкви наростъ. Въ этотъ блаженный день исчезнетъ и Ваше смѣлое слово и церковь Ваша, какъ бы пробуждаясь отъ сна, возродится къ новой, свѣжей жизни, почерпая силы въ самой себѣ, и не въ поддержкѣ свѣтской власти.

Въ Вашей борьбѣ противъ свободы совѣсти Вы, Господинъ Оберъ-Прокуроръ, рѣшаетесь утверждать, что повидимому въ Европѣ этою свободою пользуются лишь тѣ, которыя отъ вѣры переходятъ въ невѣріе. Неужели Вы думаете, что Ваше категорическое „никогда“, заграждающее членамъ Вашей церкви переходъ къ другому исповѣданію, которому они принадлежатъ по внутреннему убѣжденію, можетъ оградить ихъ отъ безвѣрія?

Каждое принужденіе въ дѣлахъ вѣры порождаетъ лицемѣріе, отъ лицемѣрія же къ безвѣрію только одинъ шагъ. Вамъ, къ сожалѣнію, не безъизвѣстно, какъ часто этотъ переходъ совершается при существующихъ стѣснительныхъ постановленіяхъ. Позвольте мнѣ показать Вамъ на частныхъ примѣрахъ, насколько принудительныя мѣры эти дѣйствуютъ пагубно на духовную жизнь. Они взяты изъ личныхъ наблюденій пастора, про котораго и Вы знаете, что онъ чуждъ тѣхъ стремленій, въ коихъ Вы обвиняете защитниковъ свободы совѣсти, и въ искреннюю привязанность котораго къ Вашему Царю и народу Вы вѣрите.

Много лѣтъ тому назадъ этотъ пасторъ читалъ апологическія лекціи о христіанствѣ, которыя привлекали не мало и православныхъ слушателей. По окончаніи лекцій проповѣдника посѣтилъ русскій князь, какъ оказалось, преданный, вѣрующій членъ своей церкви. Онъ выразилъ, что его высокодаровитый сынъ предался новому направленію, впалъ въ безвѣріе, но глубоко страдаетъ въ воспоминаніи о томъ благѣ, котораго лишился. Отецъ посовѣтовалъ сыну посѣщать упомянутыя лекціи и высказать затѣмъ проповѣднику о смущающихъ его сомнѣніяхъ. На это сынъ далъ слѣдующій характерный отвѣтъ: „Я слыхалъ про эти лекціи, былъ разъ на проповѣди лектора, но вторично не пойду. Я боюсь, что этотъ человѣкъ былъ бы въ состояніи разсѣять мое безвѣріе и привлечь меня къ евангелическому ученію. Но я не чувствую въ себѣ призванія быть мученикомъ; между тѣмъ мнѣ, какъ человѣку правдивому, пришлось бы покинуть мою церковь и нести всѣ послѣдствія

такого шага. Не чувствуя въ себѣ силы для этого, я лучше избѣгаю искушеніе. Въ моемъ настоящемъ состояніи безвѣрія я отлично лажу съ церковью. Она даетъ мнѣ необходимое свидѣтельство о принятіи Причастія; она благословитъ мой бракъ, окреститъ моихъ дѣтей, похоронитъ меня; мнѣ больше ничего не нужно. Такимъ образомъ въ моемъ безвѣріи меня церковь не трогаетъ; если же меня этотъ евангелическій пасторъ исцѣлилъ бы отъ безвѣрія, я бы не могъ жить по новой вѣрѣ, не сдѣлавшись мученикомъ, а этого я не желаю.“ Молодой человѣкъ пропалъ въ безвѣріи.

Другой случай изъ практики того же пастора: Однажды къ нему приходитъ старшая дочь одного изъ высшихъ сановниковъ, прося допустить ее къ Святому Причастію и этимъ принять ее въ лоно его церкви, къ которой она привязалась, присутствуя въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ при его воскресномъ богослуженіи. Продолжительныя бесѣды обнаружили глубокое, основательное знакомство со священнымъ Писаніемъ и съ сочиненіями главныхъ евангелическихъ церковныхъ писателей и вполнѣ сознательную, искреннюю вѣру въ истины евангелическаго исповѣданія. Велико было ея разочарованіе, когда пасторъ, памятуя данную имъ присягу, отказалъ ей въ просьбѣ, исполненіе которой имѣло бы для нея послѣдствіемъ,—заключеніе въ монастырь до наступившаго раскаянія. Пасторъ могъ ей указать лишь на одинъ исходъ: покинуть родину и близкихъ и поселиться въ государствѣ, гдѣ каждый можетъ исповѣдовать свою вѣру по убѣжденію. Послѣ долгой и тяжелой борьбы — она всею душою была привязана къ своей „матушкѣ“ Рос-

сіи, — она рѣшилась принести эту жертву, но когда она объявила объ этомъ престарѣлому отцу, прося его благословенія, онъ отказалъ въ благословеніи, умоляя ее не лишать его на закатѣ дней утѣшеній ея дѣтской любви, и не навлекать на него и на домъ его Царскаго гнѣва, когда и онъ, и отецъ, и дѣдъ снискали своею службою довѣріе и милость Царскую. Принести въ жертву родину было тяжело, но возможно; идти же вопреки волѣ отца, сокрушить его любящее сердце, — она не рѣшалась. Неустанная внутренняя борьба надорвала наконецъ ея силы; тажко-больную увезли ее въ деревню, гдѣ наконецъ усталая душа нашла вѣчное успокоеніе въ смерти, избавившей ее отъ наступившаго умственнаго помраченія. А между тѣмъ, зная ее, можно было по человѣческому разумѣнію предвидѣть долгую, счастливую жизнь, если бы свѣтскіе законы не воспретили бы ей исповѣдовать вѣру, съ которой душа ея сроднилась и сжилась.

Какую тяжелую душевную борьбу приходится, изъ-за этого принужденія въ дѣлахъ вѣры, переживать евангелическому пастору, чуждому всякой склонности къ недозволенной пропагандѣ, это трудно представить себѣ, не переживши ее самому.

Съ одной стороны клятвенное обѣщаніе, съ другой стороны душа, алчущая божественнаго мира, пришедшая къ убѣжденію, что не найти ей мира и спасенія внѣ евангелической церкви; и эту душу приходится оттолкнуть отъ алтаря, къ которому она рвется. Еще недавно Вы сами, Господинъ Оберъ-Прокуроръ, были свидѣтелемъ того, какъ эта душевная борьба довела одного здѣшняго

пастора до умопомраченія. Легкая завѣса, на время застлавшая его умъ, какъ бы была ниспослана Всевышнимъ для того, чтобы избавить его отъ полной отвѣтственности за его необдуманный шагъ. Но и то, что ему приходится испытывать теперь, тяжело для него и для близкихъ ему: онъ лишенъ возможности продолжать дорогую дѣятельность въ предѣлахъ своего отечества.

* * *

Еще многое оставалось бы мнѣ сказать Вамъ отъ имени евангелической церкви въ отвѣтъ на Ваши рѣзкія и нехристіанскія обвиненія по отношенію къ одной изъ ея вѣтвей. Но я кончаю, чтобы не утомлять Вашего вниманія. И безъ того мнѣ пришлось быть пространнымъ, ибо легче взвести обвиненіе, чѣмъ опровергнуть его; легче нанести рану, чѣмъ исцѣлить ее.

Тяжелыя, весьма тяжелыя времена настали для лютеранской церкви прибалтійскаго края; съ сердечнымъ участіемъ слѣдитъ за ея судьбой все христіанство, не исключая и многихъ членовъ Вашей церкви. Мѣстныя дворянство и духовенство, какъ главные представители преслѣдуемыхъ Вами началъ, должны показать, настоящіе ли они нѣмцы или нѣтъ. Недавно англійскій наблюдатель далъ слѣдующую мѣткую оцѣнку нѣмецкой особенности: „Среди мрака и невзгодъ въ нѣмецкомъ характерѣ свѣтитъ яркая звѣзда, не выступавшая въ послѣднее время; ибо блескъ ея проявляется лишь во времена національныхъ бѣдствій и испытаній. Это нѣмецкая вѣрность и стойкость; онѣ составляютъ возвы-

ценнѣйшія черты нѣмецкаго характера, его идеальную сторону. Исторія гласитъ о ней: нація вправѣ гордиться ею.“ Я твердо увѣренъ, что ненавистные Вамъ балтійцы сохранили это драгоцѣнное наслѣдіе своего племени, и не взирая на униженія и невзгоды, останутся такими же стойкими въ своихъ убѣжденіяхъ, вѣрными и мужественными слугами Царя и отечества, какими были ихъ предки.

Въ Вашемъ посланіи Вы сливаете во едино оба сословія — дворянство и духовенство. И дѣйствительно, они оба готовы дружно сомкнуться въ неизмѣнной преданности къ своей евангелической церкви. Одна изъ протестантскихъ церквей, которой по волѣ Провиденія суждено было испытать великія бѣдствія, приняла девизомъ своимъ: lux lucet in tenebris, свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ. Теперь и лютеранская церковь въ прибалтійскомъ краѣ призвана показать свою внутреннюю мощь. Испытанія и горе обнаруживаютъ истинныя духовныя силы, отдѣляя бренную примѣсь отъ божественнаго ядра. Уповая на благодать Божію, мы, при всемъ сочувствіи къ страданіямъ родственной церкви, не падаемъ духомъ, зная, что она окрѣпнетъ подъ ударами внѣшнихъ испытаній. Но горе тѣмъ, кто причиняетъ братьямъ во Христѣ страданія! Любя Россію, я не могу не вспомнить безъ грусти, что исторія поучаетъ насъ о внутреннемъ недугѣ, поражающемъ притѣснителя. Скудѣетъ церковь, именемъ которой и якобы на пользу которой преслѣдуются свѣтскія цѣли. Страдаетъ страна, въ которой противъ подданныхъ испытанной преданности принимаются такія мѣры строгости и недовѣрія, какія умѣстны лишь про-

тивъ крамольниковъ и враговъ, и принимаются именно за стойкую вѣрность высшимъ духовнымъ благамъ, унаслѣдованнымъ отъ предковъ.

Великую, если не главную долю отвѣтственности за причиненный этими мѣрами нравственный вредъ Россіи падаетъ предъ Богомъ и передъ исторіей на Васъ, Господинъ Оберъ-Прокуроръ! Ибо Государь питаетъ къ Вамъ полное, непоколебимое довѣріе. Онъ Васъ призвалъ на высокій постъ, на которомъ Вы имѣете возможность, — и Вы пользуетесь этою возможностью, — притѣснять родственную христіанскую церковь. Я высказываюсь съ полнымъ прямодушіемъ, не взирая на различіе общественнаго положенія, говорю какъ подобаетъ въ столь важномъ дѣлѣ говорить брату во Христѣ; не пеняйте на меня, не откажите моимъ искреннимъ словамъ въ должномъ вниманіи.

Слѣдя внимательно за Вашею общественною дѣятельностью, я съ грустью видѣлъ, какъ Вы изъ года въ годъ все болѣе уклонялись отъ того пути, на которомъ я нѣкогда съ удовольствіемъ и съ признательностью встрѣтился съ Вами. Опытъ исторіи показываетъ намъ, что мало людей, которые въ состояніи долго устоять противъ чарующаго и помрачающаго дѣйствія власти: взоръ, привыкшій направляться вдаль, притупляется къ окружающимъ явленіямъ и теряется привычка строгаго самосознанія. Какъ бы то ни было, но при нашей первой встрѣчѣ Вы еще безъ непріязни относились къ евангелической церкви; казалось, что тогда опасныя политическія стремленія не лишали Васъ способности благосклоннаго отношенія къ ней. То было время, когда Вы

знакомили Вашихъ земляковъ съ сочиненіями Тирша. Тогда въ словахъ смиреннаго Ѳомы Кемпійскаго Вы находили еще выраженіе Вашихъ собственныхъ душевныхъ стремленій. Вы сами перевели его трогательныя писанія на Вашъ родной языкъ. Въ Вашемъ „задушевномъ словѣ къ юношеству“, съ которымъ Вы тотчасъ послѣ умерщвленія покойнаго Императора обратились къ питомцамъ духовныхъ академій и семинарій, чувствовался отголосокъ мудрости и кротости благочестиваго монаха, рѣчь котораго была какъ бы зарею реформаціи. Мнѣ было пріятно сопутствовать сочувственными словами нѣмецкій переводъ Вашего посланія къ юношеству. Высокое положеніе, къ которому призвало Васъ довѣріе Государя, давно оторвало Васъ отъ мирнаго, духовнаго общенія съ Ѳомою Кемпійскимъ, съ Тиршемъ.

Позвольте мнѣ напомнить слово, которое я считалъ своимъ долгомъ сказать Вамъ еще въ тѣ, давно минувшія, времена. Въ разговорѣ Вы выразили, въ теплыхъ сердечныхъ словахъ, любовь Вашу къ Россіи и къ русскому народу. Вы высказали Вашу рѣшимость, всѣми силами стремиться къ возможному сліянію съ народною душею, дабы быть единымъ съ нимъ въ Вашихъ привязанностяхъ, надеждахъ, стремленіяхъ. Такой точкѣ зрѣнія я противопоставилъ требованіе Господа нашего (Марк. 10, 29) — оставить ради Его и Евангелія домъ и земли, братьевъ и сестеръ, отца и мать и жену, а потому — какъ величайшую жертву, даже свой народъ и отечество. Господь нашъ Іисусъ Христосъ достоенъ такой жертвы.

Онъ обѣщаетъ тѣмъ, кои оставили эти блага ради Его и Евангелія, возвратить имъ нынѣ, во время сіе, во сто кратъ болѣе оставленнаго. И дѣйствительно, просвѣтляя и освящая нашу любовь къ своему народу и отечеству, Онъ силою своей благодати, чудодѣйственно возвращаетъ сторицею добровольно принесенную жертву. Тѣ же, кои мнятъ, что могутъ оставаться христіанами, ставя свою народность, свое отечество, свою церковь, выше самаго Бога и Его святаго Откровенія, тѣмъ Онъ изъ ихъ же усердія готовитъ погибель, направляя дѣла ихъ къ дурному исходу.

Для насъ постороннихъ зрителей ясно, что законъ этотъ осуществляется и на Васъ. Мы не сомнѣваемся, что Вашею дѣятельностью руководитъ пламенная любовь къ отечеству и искренняя привязанность къ Вашей церкви. Но для насъ также ясно постепенное извращеніе Вашей дѣятельности во вредъ Россіи и ея церкви. Мы на предшествующихъ страницахъ обрисовали эти выступающія черты суда Божія надъ тѣми, кои, называясь учениками Христовыми, претятъ Его повелѣніямъ.

Умножаются знаменія, что Вы, Господинъ Оберъ-Прокуроръ, заимствуете оружіе для борьбы съ свободою совѣсти изъ хранилища, чуждаго Вашему народу и Вашей церкви. Отпечатокъ Рима и іезуитизма лежитъ на нихъ. Слава Богу, что русскій народъ не изощрился въ такой борьбѣ; чуждые его снисходительному, благочестивому нраву пріемы вскорѣ охладятъ пылъ воиновъ, кои увидятъ, что полководецъ ведетъ ихъ въ дебри и

чащу нетерпимости, ненависти и неправды, губящія жизнь государства и церкви.

Суждено ли будетъ Вамъ самимъ дожить до этого поворота, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ апостолъ указываетъ намъ на день, когда каждому воздастся по дѣламъ его. —

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР